

МӘДЕНИ МҰРА
ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
научный журнал

CULTURAL HERITAGE
science journal

ISSN: 2708-3365 (print)

ISSN: 3006-1377 (online)

№2 (109)

Астана
2025

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

ӘБДІҒАЛИҰЛЫ
Берік

– Саяси ғылымдарының кандидаты (алқа төрағасы) (Қазақстан)

ИБРАЕВА
Ақмарал Ғосманқызы

– алқа төрағасының орынбасары, Қазақстан ұлттық жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ТАЙМАҒАМБЕТОВ
Жәкен Қожахметұлы

– ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

САМАШЕВ
Зайнолла Самашұлы

– тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

АЙМҰХАМБЕТ
Жанат Әскербекқызы

– филология ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)

ҮМІТҚАЛИЕВ
Ұлан Үмітқалиұлы

– тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)

МЕРЦ
Виктор Карлович

– тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)

ЖАБАҒИН
Мақсат

– тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)

СЫДЫҚОВ
Айбек Жексеналыұлы

– PhD докторы (Қазақстан)

БИҒОЖИН
Ұлан Зейноллаұлы

– PhD докторы (Қазақстан)

САБИТОВ
Жаксылык

– PhD докторы (Қазақстан)

ДЮПЮЙ
Пауло

– PhD докторы (Қазақстан)

ҚАРА
Әбдуақап

– доктор, профессор (Түркия)

ШАМИЛЬОГЛУ
Юлай

– PhD, профессор (АҚШ)

АЙТПАЕВА
Гулнара Амановна

– филология ғылымдарының докторы, профессор (Қырғызстан)

РАДИВОЖЕВИЧ
Мильяна

– PhD, қауымдастырылған профессор (Ұлыбритания)

EDITORIAL BOARD:

Berik Abdygaliuly	– Candidate of Political Science (Chairman of the editorial board) (Kazakhstan)
Akmaral Ibrayeva	– Deputy chairman of the editorial board, Academician of the National Academy of Natural Sciences of Kazakhstan, Doctor of historical sciences, Professor (Kazakhstan)
Zhaken Taimagambetov	– Academician of NAS RK, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Zainolla Samashev	– Doctor of Historical Sciences, (Kazakhstan)
Zhanat Aimukhambet	– Doctor of Philology, Professor (Kazakhstan)
Ulan Umitkaliev	– Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan)
Victor Merts	– Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan)
Maxat Zhabagin	– Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan)
Aibek Sydykov	– Doctor PhD (Kazakhstan)
Ulan Bigozhin	– PhD (Kazakhstan)
Zhaxylyk Sabitov	– PhD (Kazakhstan)
Paula Dupuy	– PhD (Kazakhstan)
Kara Abdulvahap	– Doctor, professor (Turkey)
Uli Shamiloglu	– PhD, professor (USA)
Gulnara Aitpaeva	– Doctor of Philology, Professor (Kyrgyzstan)
Radivojevic Miljana	– PhD, Associate professor (UK)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ӘБДІҒАЛИҰЛЫ
Берік

– Кандидат политических наук (председатель коллегии) (Казахстан)

ИБРАЕВА
Акмарал Госмановна

– заместитель председателя коллегии, Академик Казахстанской национальной академии естественных наук, доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

ТАЙМАГАМБЕТОВ
Жакен Кожаметович

– Академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

САМАШЕВ
Зайнолла Самашевич

– доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

АЙМУХАМБЕТ
Жанат Аскербековна

– доктор филологических наук, профессор (Казахстан)

УМИТКАЛИЕВ
Улан Умиткалиевич

– кандидат исторических наук, профессор (Казахстан)

МЕРЦ
Виктор Карлович

– кандидат исторических наук, профессор (Казахстан)

ЖАБАГИН
Максат

– кандидат исторических наук, профессор (Казахстан)

СЫДЫКОВ
Айбек Жексеналыевич

– PhD доктор (Казахстан)

БИГОЖИН
Улан Зейноллаулы

– PhD доктор (Казахстан)

САБИТОВ
Жаксылык

– PhD доктор (Казахстан)

ДЮПЮЙ
Пауло

– PhD доктор (Казахстан)

КАРА
Абдуакап

– Доктор, профессор (Турция)

ШАМИЛЬОГЛУ
Юлай

– PhD, профессор (США)

АЙТПАЕВА
Гулнара Амановна

– доктор филологических наук, профессор (Кыргызстан)

Радивожевич Мильяна

– PhD, ассоциированный профессор (Великобритания)

МАЗМҰНЫ / CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ

Археология / Archaeology / Археология

<i>Молдахмет А.</i> 2001–2008 жылдары Қаратауда жүргізген археологиялық зерттеулер (Тұран археологиялық экспедициясы материалдары негізінде)	
<i>Молдахмет А.</i> Археологические исследования в Каратау в 2001–2008 годах (по материалам Туранской археологической экспедиции)	
<i>Moldakhmet A.</i> Archaeological research the Karatau mountains in 2001–2008 (based materials of the Turan archaeological expedition).....	6
<i>Shametov S., Eraliyeva S., Nurakhmetova K., Orazov T.</i> Archeological monuments of Turkestan region in the Turkestan archaeological expedition research	
<i>Шаметов С.Т., Ералиева С.А., Нурахметова Қ.А., Оразов Т.Б.</i> Түркістан археологиялық экспедициясы зерттеулеріндегі Түркістан өңірінің археологиялық ескерткіштері	
<i>Шаметов С.Т., Ералиева С.А., Нурахметова Қ.А., Оразов Т.Б.</i> Археологические памятники Туркестанского края в исследованиях Туркестанской археологической экспедиции.....	26
<i>Кузнецова Т.</i> О роли зеркал в погребальном обряде скифо-сарматской эпохи	
<i>Кузнецова Т.</i> Скиф-сармат дәуіріндегі жерлеу рәсіміндегі айнаның рөлі	
<i>Kuznetsova T.</i> On the role of mirrors in the funeral rites of the Scythian-Sarmatian era.....	37
<i>Абилева Н.М., Аққошқарова Ж.Т.</i> Орталық Азия елдеріндегі қыш өндірісінің этнографиясы	
<i>Абилева Н.М., Аққошқарова Ж.Т.</i> Этнография гончарства стран Средней Азии	
<i>Abileva N.M., Akkoshkarova Zh.T.</i> Ethnography of pottery of Central Asian countries.....	68
<i>Мұстажап А.Ш.</i> Ортағасырлық Сарайшықтың қыш өндірісі: археологиялық және мәдениеттанулық талдау	
<i>Мұстажап А.Ш.</i> Гончарное производство средневекового Сарайшыка: археологический и культурологический анализ	
<i>Mustazhap A.Sh.</i> Pottery Production in Medieval Saraishyk: an archaeological and cultural analysis.....	84
<i>Каримова К.Г.</i> З. Самашевтің ортағасырлық қала мәдениетіне қатысты зерттеулері (Сарайшық қаласы негізінде)	
<i>Каримова К.Г.</i> Исследования З. Самашева, Посвящённые культуре средневековых городов (на примере города Сарайшык)	
<i>Karimova K.G. Z.</i> Samashev's research on medieval urban culture (based on the example of the city of Saraishyq).....	97
<i>Рысбергенев М.</i> Функционально-семантические интерпретации курганов с каменными грядами: историографический обзор	
<i>Рысбергенев М.</i> Тас қатарлары бар қорғандардың функционалды-семантикалық түсініктемелері: тарихнамалық шолу	
<i>Rysbergenov M.</i> Functional and semantic interpretations of kurgans with stone alignments: a historiographical review.....	109

Этнология / Ethnology / Этнология

<i>Мәулет. А.</i> Шыңжаң қазақтары аспаптық музыкалық мұрасының зерттелуі	
<i>Маулет А.</i> Изучение инструментального музыкального наследия казахов Синьцзяна	
<i>Maulet A.</i> The Study of the Instrumental Musical Heritage of the Kazakhs of Xinjiang.....	126
<i>Атдаев С.</i> Кара-Шайтан – связующее звено между Мервом и Бухарой	
<i>Атдаев С.Дж.</i> Мерв пен Бұхара арасындағы бітімгер - Қара-Шайтан	
<i>Atdaev S.</i> Kara-Shaytan – a connecting link between Merv and Bukhara.....	150

Кузнецова Т.М.
Институт археологии
Российская Академия наук
Москва, Россия
e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

О РОЛИ ЗЕРКАЛ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ СКИФО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ¹

Аннотация. Цель статьи — исследование вопросов, связанных с ролью зеркала в заупокойном обряде скифо-сарматского времени. Базой для изучения служат этнографические и археологические источники. У многих древних народов зеркалам в этом ритуале отводилась особая роль. Значение зеркала в погребальной практике особенно выделяется в археологии скифо-сарматского времени. Бронзовые зеркала достаточно часто встречаются в наборах сопроводительного инвентаря погребений носителей скифской, савроматской, сарматской, пазырыкской и других археологических культур. Зеркала находят в могилах представителей различных гендерных групп. Предполагается, что в древности люди рассматривали образ в зеркале как отражение души его владельца. Исходя из того, что у многих народов Азии зеркало было важной культовой принадлежностью шаманов, обнаруженные зеркала относят к числу магических вещей, предназначенных для совершения заупокойных обрядов.

Зеркала могли использоваться в магических действиях скифо-сарматской эпохи, но ещё при жизни человека, поскольку под понятием магия подразумеваются действия людей, которые имеют цель влиять сверхъестественным образом на материальный предмет или явление.

Результаты исследования позволяют говорить о том, что толкование магической роли зеркала в погребальном обряде населения Евразии в скифо-сарматское время не находит подтверждения. Рассмотренный материал показал, что к использованию этнографических данных при интерпретации магической роли зеркал в погребальном обряде древних народов, следует подходить осмотрительно, учитывая время, к которому относятся сведения об их употреблении.

Ключевые слова: зеркало, магия, обряд, захоронение, скифо-сарматское время.

Для цитирования: Кузнецова Т. О роли зеркал в погребальном обряде скифо-сарматской эпохи // Мадени мұра. 2025. № 2 (109). С. 37-67 (рус.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2025.v22.i2.03>

¹Работа выполнена в рамках темы НИР ИА РАН.

Введение

Летопись зеркал берёт своё начало с использования неподвижных водных поверхностей озёр и заводей рек в качестве отражающих источников. В воде, помимо отображения человека, при погружении, искажался его образ, что вызывало опасения. Поскольку вода могла привести к гибели человека (то есть «поглотить» его физически вместе с его отражением), то возник страх перед этой стихией, которая во многих культурах наделялась необыкновенной силой воздействия. Данный период, вероятно, связан с возникновением суеверий и страха перед повреждением отражения.

В Древней Греции и Индии существовало поверье, запрещающее смотреть на своё отображение в воде. Люди верили, что дүхи водного мира могут увлечь отражение или душу под воду, обрекая человека на смерть (Фрезер, 1980: 219-220).

Подобные предубеждения относительно отражающей поверхности и её повреждения перешли в страх перед испорченными зеркалами, которые изготавливались на разных этапах из всевозможных материалов и прошли продолжительный путь своего создания от каменных до стеклянных форм. Страх перед их повреждением чрезвычайно усилился с появлением последних.

Предполагается, что первые, изготовленные человеком зеркала, были из камня. Они относятся к VII (Pendergrast, 2003: 3) или VI тысячелетию до н. э. (Mellaart, 1962:

41–65), и были обнаружены в южной Анатолии (Чатал-Хююк). В Египте (Goldberg, 1985: 26) были найдены каменные зеркала, датированные V тысячелетием до н. э. В эпоху металла появились первоначально медные, а затем бронзовые, серебряные (Albenda, 1985: 2-9) и золотые зеркала (рис. 1). Их генезис учёные связывают с Междуречьем и Северным Ираном III и II тысячелетий до н. э. (Членова, 1967).

Исследователи отмечают также возможное существование «жидких» зеркал, известных для «царских гробниц» Анатолии (III тысячелетие до н. э.), т.е. металлических сосудов, близких по форме одновременным им, так называемым «кикладским сковородкам»: керамическим (рис. 1, 2, 3, 5) или каменным (рис. 1, 6-7), которые также идентифицируются с «жидкими» зеркалами (Mellink, 1956: 52-53; Coleman, 1985; Papathanassoglou, Georgouli, 2009; Yakar, 2011: fig. 1: i, j).

Зеркала в эпоху бронзы (рис. 1, 1, 4, 8, 9), бесспорно, были знакомы населению Египта и Месопотамии (Hayes, 1990a: 241; Hayes, 1990b; Brunton, 1927: pl. XXXIX), Центральной Азии (Кузьмина, 1966: 68-69, табл. XIII), Сибири (Членова, 1967), Китая (O'Sullivan, Shao, 2023) и Средиземноморья (Keene Congdon, 1985). В раннем железном веке они были уже известны народам на значительной части Евразийского континента (рис. 1, 10-19).

И хотя в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе² зеркала появились только в конце VII в. до н. э. (рис. 1, 12,

²Попытка соотнести маловыразительные фрагменты реконструируемого круглого предмета (край, по описанию, имеет Т-образный бортик), обнаруженного в могильнике Дыш IV, курган 3 (предскифское время) в Адыгее, с зеркалом не имеет оснований. Сравнение его с зеркалами «скифского» типа с бортиком и центральной ручко-петелькой, у которых авторы увидели несуществующий «Гобразный бортик», противоречит форме имеющихся в археологическом собрании экземпляров, поскольку все бортики у таких зеркал прямые (в разрезе — прямоугольник или треугольник), что свидетельствует о слабом знакомстве исследователей с привлекаемыми в качестве аналогий вещами (Маслов, Гей, Андреева, 2020: 300, 321, рис. 5, 3)

Фрагменты круглого предмета с Т-образным бортиком обнаружены пока только в кургане у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра, который датирован началом второй половины IV в. до н. э. (Синика, Лысенко, Разумов, Тельнов, 2020). Однако количество и размер фрагментов не позволяет и его атрибутировать как зеркало (Кузнецова, 2022).

Рис. 1. Зеркала III-I тыс. до н. э. (материал и форма): 1, 4, 8, 18, 19 – бронзовые и серебряные (8) с боковыми ручками (1, 4, 8 – Египет; 18, 19 – Северное Причерноморье); 2, 3, 5-7 – керамические и каменные «жидкие»/«кикладские сковороды» (Кикладские острова); 9-11 – бронзовые на подставках (9 – Египет, 10-11 – Греция); 12-17 – бронзовые с центральными ручками (12 – Северный Кавказ, 13 – Внутренняя Монголия, 14 – Казахстан, 15-17 – Китай).

Fig. 1. Mirrors of the III-I millennium B.C. (material and form): 1, 4, 8, 18, 19 - bronze and silver (8) with side handles (1, 4, 8 - Egypt; 18, 19 - Northern Black Sea region); 2, 3, 5-7 - ceramic and stone "liquid"/"Frying Pans"; 9-11 - bronze pans on stands (9 - Egypt, 10-11 - Greece); 12-17 - bronze pans with central handles (12 - North Caucasus, 13 - Inner Mongolia, 14 - Kazakhstan, 15-17 - China).

18, 19), после прихода в эти регионы греков и скифов (Кузнецова 2018: 61), для жителей ойкумены этого времени, они уже не были такой же редкостью, как для аборигенов в Новой Гвинее, которые впервые узрели себя в зеркале и решили, что видят свою душу (Фрезер, 1980: 219).

Таинственность зеркального отражения в понимании исследователей

является стимулятором воображения. По этой причине зеркало присутствует в мифологии и сказках, в религиозных и магических обрядах, в суевериях и приметах (Столович, 1988: 46).

В казахских южножетысуйских обрядовых песнях, сопровождающих проводы невесты, также присутствует образ зеркала. Аналогичный мотив

можно обнаружить в поэтических произведениях центральных и восточных районов Казахстана. Зеркало в этих контекстах выступает символом границы между мирами, оберегом от злых сил и олицетворением женского начала. По мнению исследователей, использование образа зеркала в поэтике жанров прощания невесты с родными свидетельствует о сакральности данного символа (Бердибай, Бабижан, Абугазы, 2020: 62).

На взгляд учёных, всё разнообразие примет и предзнаменований, связанных с зеркалом, символически распределяется на два контрастных блока: позитивный и негативный. В восточноазиатских цивилизациях превалирует положительная магия зеркала, оберегающая от недобрых духов, у западноевропейских народов преобладает вера в отрицательную магию вещи, способной нанести вред человеку (Рон, 2001а: 72–85).

Материалы и методы исследования

Базой для изучения рассматриваемой проблемы служат археологические (погребальные комплексы) и этнографические источники, связанные с бронзовыми зеркалами. Считается, что у многих древних народов зеркалам в похоронном ритуале придавалось особое значение. Роль зеркала в погребальной практике особенно выделяется исследователями в археологии скифо-сарматского времени.

В рамках исследования использован сравнительно-сопоставительный анализ археологических комплексов с зеркалами, этнографических источников и этимологического значения термина. Проведён детальный разбор материалов, обнаруженных в ходе археологических раскопок на территории Евразии (рассмотрено более 350 комплексов), поскольку бронзовые

зеркала достаточно часто встречаются в наборах сопроводительного инвентаря погребений носителей скифской, савроматской, сарматской, пазырыкской и других археологических культур. Зеркала находят в могилах представителей различных гендерных групп. В результате археологических и этнографических работ учёными, и автором в том числе, были собраны, изучены и обобщены обширные материалы из Украины, России, Монголии, Казахстана, Китая, а также из Индии и Африки. Обзор опубликованных материалов и изысканий по теме дополняет исследование и также является его основой.

Анализ Зеркало и отражение в этнографических наблюдениях.

Согласно этнографической информации учёные установили наличие определённых представлений о зеркалах у разных народов, часть из которых считала, что образ/отражение в зеркале или воде заключает в себе душу человека. Коренные жители Андаманских островов полагали, что «души» – это отображение в каждом зеркале, как и старшее поколение Новой Каледонии. Однако молодёжь, прошедшая церковное обучение, уже понимала, что отражение является только отражением и не более того. В ряде культур, душа-отражение, будучи внешним проявлением сущности человека, воспринималась как чрезвычайно уязвимая перед различными опасностями субстанция. Дж. Фрезер отмечал, что зулусы избегают смотреть в глубину водоёмов, опасаясь чудовищ, способных похитить их отражение и тем самым привести к гибели самого человека. Аналогичные верования наблюдаются у племени басуто в Южной Африке, где крокодилам приписывается способность убивать людей, захватывая их отражение в воде

(Фрезер, 1980: 219-220). Фиджийцы же различали «тёмную душу» – тень, направляющуюся в подземный мир, и «светлую душу» – образ в воде или зеркале, остающийся там, где человек умирает. Эти примеры свидетельствуют о том, что представление о душе-отражении часто было связано с идеей её уязвимости и двойственности (Тайлор, 1989: 216).

В Северной Индии считалось, что тень человека – это часть его души, которая может быть или отделена от него врагом, или ранена. Поэтому было опасным наступать на тень человека в солнечную погоду. К представлениям о душе-отражении, связанной с зеркалом, относится и обряд, отмеченный для суннитских магометан в Бомбее, которые покрывают зеркало в доме больного, так как по их верованию, зеркало способно абсорбировать его душу, стремящуюся улететь, вследствие чего больной может умереть (Сгооке, 1896: 233).

Согласно представленной концепции, человеческая душа проявляется через тень или отражение, которые, в свою очередь, служат источником несчастий. Это обусловлено тем, что нанесение им вреда негативно сказывается на личности владельца.

В этой связи интересным представляется народное поверье о том, что разбитое зеркало влечет за собой смерть его владельца. Данная традиция, сохраняющаяся у русского народа до настоящего времени, нашла своё отражение в творчестве А.С. Пушкина, например, в сказке «О мертвой царевне и о семи богатырях». В том случае, когда зеркалу не наносится повреждения (рис. 2, 1): «...делать нечего. Она, черной зависти полна, бросив зеркальце под лавку, позвала к себе чернавку...», то не причиняется вреда и его обладателю – царице-мачехе (Пушкин, 1960: 346). Заканчивается же сказка тем, что «...злая

мачеха, вскочив, об пол зеркальце разбив, в двери прямо побежала и царевну повстречала. Тут ее тоска взяла, и царица умерла...» (Пушкин, 1960: 357), т.е. «смерть» зеркала предшествует гибели его владельца (рис. 2, 2).

1

2

Рис. 2. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». А. С. Пушкин. Иллюстрации: 1 - художники Л. Мильчин; 2 - художник Е. Мешков

Fig. 2. «The fairy tale of the dead princess and about seven heroes». A. S. Pushkin. Illustrations: 1 - artists L. Milchin, V. Nikitin; 2 – artist E. Meshkov

В иранской традиции существует пророчество, связанное с зеркалом, используемым в свадебном обряде. Согласно ему, повреждение «зеркала счастья» невесты сулит смерть либо ей, либо её супругу (Хедаят Садек, 1958: 285). Б.А. Литвинский зафиксировал сходное суеверие среди таджиков (Литвинский, 1964: 99). У осетин до настоящего времени

сохранилось предзнаменование, что разбитое зеркало пророчит беду (Кусаева, 2016: 65).

Все упомянутые верования, присущие различным народам, характеризуются единой чертой: нанесение ущерба отражению связано со смертью владельца. Эти суеверия свидетельствуют о глубоком страхе людей перед последствиями, которые, по их убеждению, наступают в результате повреждения их образа.

Однако эти данные восходят ко времени существования стеклянных зеркал, поскольку разбить древние, изготовленные в основном из бронзы, зеркала, было очень непростым делом. Об этом, как и о силе зеркала, которому невозможно причинить вред, пелось в стихах (алгышах) тувинских шаманов:

*«Зеркало моё Кузунгу, из желтой меди вылитое,
Ты спустилось из самых жёлтых туч на землю.
Твой полёт был штормовой и пронзительный,
Ударило об жёлтую скалу, и там образовалась
трещина.*

*Зеркало моё Кузунгу, из красной меди вылитое,
Ты спустилось из самых красных туч на землю.
Твой полёт был стремительный и проходящий,
Ударило об красную скалу, и там остались
осколки»*

(Кенин-Лопсан, 2007: 127).

Этнографические наблюдения отмечают участие бронзовых зеркал и в современных обрядовых действиях, где эти предметы являются неизменным атрибутом шаманов (рис. 3, 1, 3, 5). Действия шаманов безусловно ассоциируются с представлениями о душе человека. Практически у всех народов Севера и Сибири понятие «душа» было непохожим на аналогичное христианское, и представлялось в облике материальной, хотя и скрытой субстанции (рис. 3, 2). Ульчские и нанайские шаманы в процессе любого

камлания для больного, находя его душу, проводили гадание, устанавливающее идентичность обнаруженной души по физиологическим признакам. Полагалось, что все «изъяны» человека (родимые пятна, кривые ногти и т.п.) воспроизводятся и на «человечке»-душе со всеми тончайшими особенностями. По воззрениям нанайцев, души обитали в загробном мире, будто люди на земле (Смоляк, 1991: 101-102).

В Сибири и Монголии зеркала входили и входят в традиционный костюм шамана (рис. 4). Их размещают на груди, на спине, на полах одежды различно: как отражающей, так и оборотной стороной по отношению к зрителю (Breeze Wood, 2005: 34-35; Breeze Wood, 2016; Czaplicka, 2010: 27; Czaplicka, 2017).

У народов азиатской части Евразийского континента «зеркало» называется по-разному: толи (Бурятия), кузунгу и тойлу (Саяно-Алтай), айна (Казахстан), мелонг (Тибет), панапту (Монголия), багуа (Китай) и имеет различные функции. Согласно сведениям конца XIX в., зеркало, являясь главной принадлежностью шаманского костюма, представляло собой медный круг различных величин, хорошо полированный и надеваемый шаманом на ремешках на грудь. «В нём отражаются деяния людей, как добрые, так и дурные и оно имеет возможность узнавать истину» (Шимкевич, 1896: 12).

У гольдов (нанайцы), помимо того, толи (зеркало) было для шамана щитом, каким он защищался от стрел злобных духов. Оттого шаман всякий раз, когда при камлании входил в экстаз и, вступив в битву со своими противниками, выходил победителем, делал в толи столько дырочек, сколько стрел ударилось о шамана. Считается, что

Рис. 3. Ритуальные действия шаманов: 1 – шаманка с зеркалом и бубном; 2 – селькупский рисунок 20-х годов XX века с изображением камлающего шамана, к которому спешат духи; 3 – шаман с зеркалами и чашей; 4 – баксы с кобызом; 5 – шаман с зеркалами (в образе шамана казахский певец, исполнитель этнической музыки Тюрген Кам). Фото С. Нурмухаметовой

Fig. 3. Ritual actions of shamans: 1 - shaman with a mirror and a tambourine; 2 - Selkup drawing of the 20s of the twentieth century depicting a shaman kamlalaying with spirits rushing to him; 3 - shaman with mirrors and a bowl; 4 – bucks with a kobyz; 5 – shaman with mirrors (in the image of a shaman, Kazakh singer, performer of ethnic music Tyurgen Kam). Photo by S. Nurmukhametova.

чем больше в толи пробитых отверстий, тем выше в глазах сородичей находится шаман (Лопатин, 1922: 261).

Рис. 4. Зеркала на костюмах шаманов: 1 – Северо-Восточная Маньчжурия; 2 – Юго-Восточная Сибирь, река Амур; 3 – Монголия (по (Breeze Wood, 2005a) ; 4 – Якутия

Fig. 4. Mirrors on the costumes of shamans: 1 - North-Eastern Manchuria (after: (Breeze Wood, 2005a); 2 - South-Eastern Siberia, Amur River; 3 – Mongolia; 4 – Yakutia.

Согласно исследованиям Вильмоша Диосэги, медные зеркала имели важное значение для различных тунгусских групп северной Маньчжурии, таких как тунгусы хинганцы и бирарчены. Однако магическое свойство этих предметов различалось в зависимости от племени.

Зеркало служило шаману инструментом для достижения состояния сосредоточенности, позволяя ему «видеть мир», то есть локализовыв-

вать духов, воспроизводить потребности человека и т.п. (Диосэги, 1950-1951).

Толи (зеркала), как уже говорилось, представляли собой бронзовые круги, с одной стороны гладкие, а с другой — покрытые рисунками. Толи вешали на ремни, а ремень надевался на шею, и толи свисали либо на спину, либо на грудь. У шамана толи могло быть несколько (рис. 5) или даже много (Лопатин, 1922: 261). В. Диосэги обнаружил, что маньчжурско-тунгусский термин, означающий зеркало, «панатпу», происходит от пана — «душа, дух», вернее «душа-тень». Данный термин, по его мнению, не только указывает «на известные характеристики душа-тени, как отражение тени души человека (например, на поверхности воды как отображение, или при солнечном свете в виде тени), но содержит в себе ещё и представление душа-тени человека, появляющуюся после его смерти». Отсюда зеркало представляло собой сосуд («пту») для «души-тени» и в нём находится сверхъестественное

существо, оберегающее шамана. Смотря в зеркало, шаман мог увидеть душу покойного. Зеркало становилось вместилищем сверхъестественной силы благодаря тому, что содержало в себе душу-тень покойника, душу умершего. Эта необыкновенная сущность была добродушной и услужливой (Диосэги, 1950-1951: 371, 376; Элиаде, 2000: 88).

Тем не менее, в дальнейшем исследователями было уточнено, что у нанайцев и ульчей подобного осознания шаманского зеркала как способа защиты нет, т.к. эти народы находили, что толи (зеркало) является вместилищем всевозможных духов-помощников шамана. Это духи или собак, или оленей, или другие духи, или духи разных недугов. У нанайцев шаман мог пользоваться пациента наложением диска зеркала на больное место (Смоляк, 1991: 242).

Зеркало (толи) у бурятов употреблялось шаманами как средство ворожбы: для отгадки искомого духа или пророчества участи человека (Манжигеев, 1971: 71). Джулия Энн

Рис. 5. Расположение зеркал на костюме шамана (Монголия): 1, 2 – лицевой стороной на спине и полах кафтана; 3 – обратной стороной на груди.

Fig. 5. Location of mirrors on a shaman's costume (Mongolia): 1, 2 - facing side on the back and the caftan floors; 3 - back side on the chest.

Стюарт (шаманское имя Сарангэрэл), упоминая шаманские действия в бурятской и монгольской традиции, отметила, что в наше время новые зеркала для шаманов не производятся, и все они являются древними изделиями³. Традиционно зеркала передаются от одного шамана к другому. По её информации, шаманы стремятся накопить как можно большее количество зеркал в силу их значительной защитной и энергетической силы (рис. 3, 4). «Зеркала прикрепляются к платью шамана: по меньшей мере, один на грудь, другой на спину. Ещё одно зеркало шаманы носят, не снимая, на верёвке или ленте поверх, или снизу одежды. Шаманы носят зеркала и из-за присущих им защитных свойств. Зеркала не только вбирают энергию, но и излучают её. Надевая зеркало, шаманы делают это с той целью, что при встрече с враждебно настроенными людьми, опасными духами или неблагоприятно воздействующей энергией их зеркало сумеет излучить достаточно энергии, чтобы предотвратить любую угрозу» (Сарангэрэл, 2003: 82-83).

По данным С.И. Вайнштейна «все тувинские шаманы особое значение придавали случайно найденным древним бронзовым зеркалам “кюзюнгү”. С ними можно было гадать и даже камлать, не пользуясь шаманским облачением» (Вайнштейн, 1964: 2). Отмечается, что тувинский шаман мог вести камлание только с помощью зеркала (кузунгу), которое являлось обязательным атрибутом любого

коронованного шамана. Тот, у кого было кузунгу, мог произвести обряд, направленный на «лечение» больного (Кенин-Лопсан, 1993: 26).

В казахской традиции зеркало (айна) рассматривалось как символ рубежа между миром живых и потусторонним (рис. 3, 4). Это отражено в обычае крепления зеркала к резонатору музыкальных инструментов (кобыз), используемых баксы/шаманами для исцеления посредством обращения к духам Верхнего и Нижнего миров (Бердибай, Бабижан, Абугазы, 2020: 62).

Некоторые тувинские шаманы не имели возможности приобрести бубен и костюм, и поэтому приспосабливались к простой форме камлания с зеркалом. Эта форма, как отмечают специалисты, была в прошлом очень популярна и имела устойчивый характер (Кенин-Лопсан, 1993: 26).

Зеркало (кузунгу и тойлу) в стихах тувинских шаманов выступает как предмет сверхъестественного происхождения:

«Ты, моё Зеркало, тебя сковали из золотистой бронзы.

Ты, моё Зеркало, дар небесный для меня.

Ты, моё Зеркало, отличаешься суровостью,

Ты, моё Зеркало, дар девяти небес для меня.

Ты спущено вниз велением Курбусту-неба,

Ты идёшь вниз по большой косе⁴, взятой в охапку.

Да, ты приземлилось к земле с дождливого неба,

Ты, моё Зеркало, сделано из томпака и бронзы.

Ты родилось молнией, где сверкает огонь,

Ты разбило треножник на две части пополам,

Ты ударило о листовницу, где образовались трещины.

Ты, моё Зеркало, сделано из красной бронзы.

Золотистое Зеркало моё с названием тойлу⁵,

³Однако это не совсем так, судя по данным в интернете, где присутствуют предложения по изготовлению шаманских зеркал (URL: <https://vk.com/creativegang> (дата обращения 01. 02. 2025)).

⁴Раньше тувинцы-мужчины носили косу.

⁵Тойлу — маленькое зеркало (Кенин-Лопсан, 2007: 118).

Ты мне даровано землей Азар в небе высоком,
Ты — мой талисман и ты, моё зеркало тойлу.
Ты мне освещаешь отчетливо ядову дорогу»
(Кенин-Лопсан, 2007: 118).

* * *

«Ты, Кузунгу, вещь небесная, где живут азарлар.
Ты, Кузунгу, отличаешься то золотом, то
медью.

Я шаман, кто ведёт заклинание, проклинание.
У меня серый бубен, часто его обнимаю, ласкаю.
Родился таким я, что судьба у меня завидная.
Стал таким шаманом я, что презрение рядом
со мной.

Жизнь у меня бедна, какую получил я от
творца.

Одежда у меня такая, она сделана из кожи
грубой.

Судьба у меня такая, она меня тревожит,
Я сам такой, что бедствие бьёт меня.
У меня есть одна сила, у меня есть одна вера,
Это моё зеркало Кузунгу, оно сделано из бронзы»
(Кенин-Лопсан, 2007: 114).

Зеркало (кузунгу) защищает
своего владельца от неблагоприятного
воздействия, со стороны и людей,
и любых вредоносных существ или
сущностей, являясь верным спутником
шамана и грозным врагом злых духов:

«Когда бываю приглашённым,
Я за пазухой храню моё кузунгу.
Когда бываю в аалах,
Я на ремне несу своё кузунгу»
* * *

«Когда придёт аза,
Кузунгу ломает ему зубы и отпустит его.
Когда аза придёт воровать,

Кузунгу ломает ему хребет и отпустит его»
(Кенин-Лопсан, 1987: 61).

После смерти шамана, если среди
прямых наследников у покойного не
было нового шамана, зеркало (кузунгу)
уносили на могилу. В Тыве, согласно
шаманским представлениям, оно
должно было возвратиться на небо. Если
у шамана были преемники из родни,
то они имели право принять кузунгу
(Кенин-Лопсан, 1987: 61-62).

Все приведённые данные, хотя

и свидетельствуют о различном
применении шаманских зеркал и
отношении к ним, но указывают на их
связь с потребностями живых людей.

От этнографии к археологии

Основываясь на сведениях
этнографии, учёные соотносят истоки
шаманизма с археологическими
древностями (Спицын, 1899: 175).
Исследователи предполагают, что многие
проявления шаманизма, поразительно
сходные у различных народов Сибири,
могут быть хронологически возведены к
скифской эпохе, а географически связаны
с районом Саяно-Алтая (Курочкин, 1992:
39-41).

Опираясь на данные о том, «что у
ряда народов Сибири зеркало было
важной культовой принадлежностью
шаманов», найденные в археологических
памятниках зеркала относят к
числу утвари, предназначенной для
совершения древних обрядов (Курочкин,
1992: 40). Отдельные исследователи
считают, что зеркала входили в состав
«жреческого набора» в савроматской
(Смирнов, 1964: 249; Королькова, 1997:
32) и других археологических культурах
(Шульга, 1999; Кубарев, 2002: 73; Амиров,
2015). Однако, вопрос об использовании
зеркала в качестве жреческого атрибута
у кочевников всё ещё остается открытым.
Как показали подсчеты, сделанные
ранее, идея о принадлежности
«владельцев зеркал» жреческому
«сословию» не подтвердилась, поскольку
зеркала располагались в могилах особ,
относившихся к различным социальным
уровням (Кузнецова, 1988: 52-61).

Исследователями отмечается, что
в древности зеркалам придавалось
особое значение в ритуальных
практиках, особенно в погребальных
обрядках, когда зеркала подвергались

«обезвреживанию», чтобы душа покойного не могла причинить вред оставшимся (Рон, 2001б: 132-134; Фиалко, 2009: 92).

Учёными рассматривается сакральная функция порчи зеркал с точки зрения освобождения души умершего (Хазанов, 1964: 94). Считается, что это предотвращает негативное воздействие души покойного на живых или позволяет душе зеркала последовать за душой покойного в потусторонний мир (Литвинский, 1964: 98).

Тем не менее, этнографические исследования (Иванов, 1961: 106; Лобачева, 1960: 39-48) и письменные источники (Стратанович, 1961: 77), а также надписи на самих зеркалах, свидетельствуют о том, что зеркало воспринималось как объект, несущий охранительную и освещающую функцию (Стратанович, 1961: 66; Лубо-Лесниченко, 1975: 39, 43, 52, 78, 98-100 и др.).

Причём надписи показывают, что благодатная символика зеркала не меняется во времени: «...пусть [зеркало] отгоняет злые влияния, пусть [Вы] будете таким же безграничным, как небо...» (I в. до н.э.); «...Восемь триграмм багуа содержат в себе все признаки долголетия. Охраняющее божество всегда охранит предназначение» (VII-VIII вв.); «...Драгоценное зеркало, дающее долголетие». (XII-XIII вв.); «Долгая жизнь, богатство, знатность» (XIII-XV и XIV-XVI вв.); «...Оно отгоняет зло и пригодно для рынка. Чтобы вы надолго сохранили своих родителей. Пусть ваши сыновья и внуки будут могущественными и достигнут больших чинов. Пусть у вас будет долголетняя жизнь» (копия XIII-XV вв. с зеркала II-III вв.); «Пусть в доме всегда будет богатство и знатность»

(копия X-XIII вв. с зеркала I в. до н.э.); «Счастья, долголетия, умножения богатства» (XIV-XVI вв.) — Китай (Лубо-Лесниченко, 1975: № 7, 20, 165, 259, 262, 300, 308; Боковенко, Данченко, Лубо-Лесниченко, Матвеев, 1999: 52, рис. 9); «Слава вечная, жизнь спокойная, благоденствие прочное и блаженство в обоих мирах владельцу сего» (XI-XIII вв.); «Благословение, счастье, радость, благополучие, приветствие, восторженность, здоровье, сила, мощь, помощь, прямота и долгая жизнь владельцу!» (XI-XIII вв.) — Иран и/или Средняя Азия (Лубо-Лесниченко, 1975: № 286, 287).

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что использование зеркал в магических практиках скифо-сарматской эпохи, скорее всего, происходило при жизни человека, а не после его кончины.

Таким образом, интерпретация магической функции зеркал в погребальных обрядах, где они, как полагают, «деактивировались» путем повреждения или помещения в футляр, или же хоронились вместе с умершим из опасения похищения души живого духом усопшего (Скрипкин, 1990: 90; Кубарев, 2002: 73; Фиалко, 2011: 81), требует осторожного подхода. Это обусловлено тем, что, судя по данным, относящимся к различным народам и культурам, восприятие зеркал у них существенно различалось.

Бронзовые зеркала часто встречаются в наборах погребального инвентаря носителей скифской, савроматской, сарматской, пазырыкской и других археологических культур. Опираясь на материалы этнографических исследований для различных народов, у которых отражение представлялось образом души человека, археологичес-

кие зеркала также относят к числу магических вещей, предназначенных для заупокойных обрядов. Результаты исследования показали, что эта трактовка не находит подтверждения в погребальном обряде населения Евразии скифо-сарматского периода.

Зеркала в заупокойном обряде народов скифо-сарматского времени.

В специальных археологических исследованиях стало популярным суждение о том, что повреждение и фрагментирование зеркал в скифо-сарматскую эпоху — это проявление ритуально-магических действий, производимых во время похоронного обряда. Однако при объяснении мотивов повреждения зеркала необходимо помнить, что оно, прежде всего, было атрибутом живых людей и воспроизводило их образ.

В Припонтийской Скифии пока известны только единичные случаи намеренной порчи зеркал. Мне довелось обнаружить только два таких зеркала в Украине у с. Нововасильевка Снитирёвского р-на Николаевской обл. (Кузнецова, 2002: 47, 57; № 363, 364). Зеркала лежали за головами покойных, которые находились в боковых, но синхронных с основной, могилах (рис. 6). Погребённые были размещены за оградой насыпи кургана №17 (пп. 1,3). По имеющимся данным, за последние годы новых случаев находок повреждённых зеркал в скифских памятниках не выявлено (Фиалко, 2011: 82).

Утверждение М.Н. Дараган и С.В. Полина о том, что точка зрения Т.М. Кузнецовой о размещении умышленно разбитых зеркал в скифских памятниках (Кузнецова, 1988: 60) доказательств не имеет (Полин, Дараган, 2019: 213), абсолютно беспочвенно,

так как я этого не отмечала никогда, поскольку это противоречит всем имеющимся материалам. В моей статье, упомянутой изыскателями, написано: «хотелось бы отметить, что преднамеренно поврежденные зеркала встречаются и у скифов, и у других народов, однако характер повреждений различен и также [как и для сарматов – Т. К.] требует дифференцированного подхода при объяснении происхождения подобных явлений». Данное заключение подкрепляется и новейшими археологическими находками.

Как было сказано, для савромато-сарматских групп кочевников поводы для порчи зеркал могут толковаться различно. В подтверждение этой гипотезы были детально проанализированы данные курганов могильников Мечет-Сай (76 человек и 10 зеркал) и Новый Кумак (101 человек и 19 зеркал) — в Южном Приуралье, датированных VI - II вв. до н. э., Калиновский (182 человек и 9 зеркал)

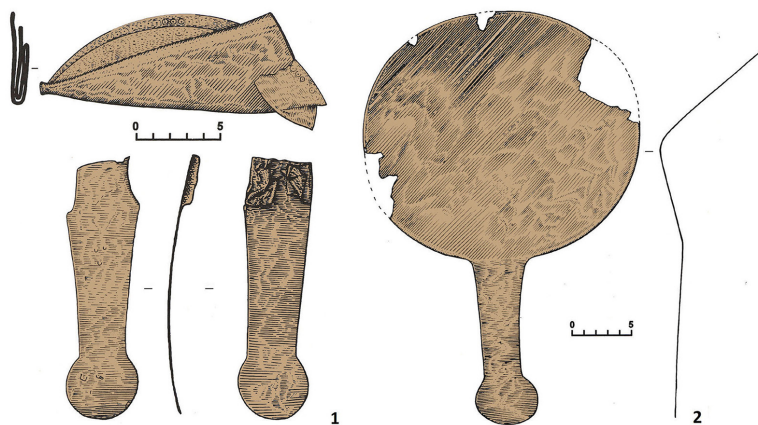

Рис. 6. Поврежденные зеркала из скифского кургана № 17 у с. Нововасильевка:
1 – погребение 1;
2 – погребение 3

Fig. 6. Damaged mirrors from the Scythian barrow no. 17 near Novova-Siljevka village: 1 - burial 1; 2 - burial 3.

и у с. Политотдельское (80 человек и 26 зеркал) — в Поволжье, датированных от VI в. до н. э. до IV в. н. (Кузнецова, 1988). Отдельные обломки зеркал были выявлены только в раннесарматских наборах сопроводительного инвентаря Мечетсайского (4 экз.) и у с. Политотдельского (2 экз.) могильников. В Калиновском могильнике фрагменты зеркал встречаются в течение всего сарматского времени: в ранний период — 6 экз., в средний — 6 экз., в поздний — 1 экз. Полные предметы со следами преднамеренного повреждения найдены в трех из рассмотренных савромато-сарматских могильников (Мечет-Сай, у с. Политотдельского и Калиновский), но лишь по одному и на различных этапах их существования (Кузнецова, 1988: 53-54).

В.П. Глебовым дана выборка данных, где отмечено наличие следов причинения вреда зеркалам из курганов раннесарматской культуры Нижнего Подонья. Согласно его сведениям, в двух могилах были найдены целые, но погнутые зеркала (Арпачин II, кург. 37, погр. 5; Мехзавод, кург. 15, погр. 4) и в одной — значительная часть диска (Кастырский VIII, кург. 3, погр. 3). У зеркала из могильника Мехзавод, кург. 15, погр. 4 видны следы воздействия, нанесённые острым оружием по центру диска (рис. 7, 4), у зеркала из могильника Кастырский VIII, кург. 3, погр. 3 отрублен сегмент, диск согнут дважды, надрезан (?) в нескольких местах и имеет следы ударов острого оружия. Для зеркала из могильника Красногоровка III, кург. 11, погр. 9 под валиком в различных частях диска прослежено не менее трех сквозных отверстий диаметром 0,3–0,4 см (рис. 7, 1), у зеркал из могильника Малая Мартыновка, кург. 2, погр. 3 и

могильника Подгорненский IV, кург. 30, погр. 5 диски пробиты в середине (рис. 7, 2), у зеркала из могильника Пирожок, кург. 6, погр. 11 (рис. 7, 3) присутствуют отметины от рубящих ударов на кромке диска (Глебов, 2019: 91, рис. 2, 3; 1, 7, 18, 22).

Однако проанализированные вещи со следами умышленного повреждения присутствуют только по одному в каждом из отмеченных могильников. И это подтверждает отсутствие ритуала, связанного с загробными воззрениями обитателей, оставивших могильники, и говорит о других, может быть, и магических обрядах.

Сведения о могильниках Мечет-Сай, у с. Политотдельского и Калиновский, свидетельствуют, что наличие частей зеркал в них относится к раннесарматскому периоду. Тем не менее на данном этапе при погребённых находят и полные экземпляры. Полученные выводы обосновываются материалами (205 могил и 46 - с зеркалами), относящимися к VI-I вв. до н. э. из могильников Покровка-1, 2, 7, 8, 10 (Фризен, 2014: 113-114, 123). Аналогичную картину показывают и курганы раннесарматского времени Нижнего Подонья, в которых значительная часть зеркал этого периода фрагментирована (Глебов, 2019: 91, рис. 1, 28, 29; 3, 1, 2, 5, 11, 23, 26, 27).

Присутствие в сарматских курганах фрагментов зеркал (рис. 7, 5-10, 12, 13), вещей дорогих и, вероятно, «привозных», подтверждает, как уже замечалось, о временном увеличении их стоимости, определявшем отсутствие возможности размещения целых форм в сопроводительном инвентаре для почившего, и в таких случаях «порча» имела практические, а не магические

мотивы (Кузнецова, 1988: 53, 57).

У скифов аналогичную деятельность, связанную с человеческими захоронениями, для VI-III вв. пока установить не получилось. Правда в «Бердянском» кургане (IV в. до н. э.), сооружённом в Северном Приазовье, обнаружены нагрудные уборы двух коней, состоящие из подвесок, основой для которых служат разделённые на сектора бронзовые диски, судя по орнаментации, греческих зеркал (рис. 7, 17). Эти части зеркал соединялись звеньями железной цепочки в гирлянду из двух рядов, которая крепилась на конский нагрудный кожаный ремень (рис. 7, 18-19).

Судя по цвету металла, толщине, наличию или отсутствию бортика, исследователи предполагают, что для изготовления подвесок было использовано не менее трех дисковидных пластин (Болтрик, Фиалко, 2007; Фиалко, 2011). На мой взгляд, поломка зеркала в данном случае преследовала только практические цели, а лошади из «Бердянского» кургана были трофеями для скифов и принадлежали ранее представителям из савромато-сарматской среды, но это тема специального исследования.

Фрагментированные зеркала известны не только в сарматских курганах. Традиция помещать обломки зеркал в могилы была популярна и у обитателей Саяно-Алтайского края (рис. 7, 11, 14-16). Однако и у этих групп населения она не была определена погребальными магическими обрядами. Присутствие частей зеркал при погребённых не имеет толкования с точки зрения их магического влияния во время захоронения, т. е. возможности и желания мистическим образом

воздействовать на реальность. Отделение части зеркала вслед за кончиной хозяина не было обусловлено магией, так как этот акт не вызывал гибельных результатов и фрагмент — символ зеркала захоранивался, а оставшаяся часть могла употребляться преемниками умершего (Маракуев, 1947: 171; Токарев, 1959: 14; Кузнецова, 1988; Кубарев, 1991: 104-105, табл. XXXIX, 2; Тишкин, Серегин, 2011: 42, табл. XVII).

Данное утверждение удостоверяется примером использования зеркал и их осколков с отверстиями для подвешивания в качестве амулетов и оберегов различными народами. Хотя применение таких талисманов основывалось на верованиях в магию, оно происходило при жизни владельцев, с которыми эти предметы и погребались после смерти (Левашова, 1948: 48; Грач, 1960: 30; Дьяконова, 1975: 195; Литвинский, 1978: 169; Кубарев, 1991: 100).

Отражение является копией/двойником или «душой» человека, существующей лишь пока он жив. После смерти человек теряет возможность видеть своё отражение. Археологические находки из курганов пазырыкской культуры (Серегин, Константинов, 2021: 409, рис. 2, 3; Тишкин, Серегин, 2011: 39-40, табл. XIV, XV) подтверждают это представление: древние народы не всегда считали зеркало «местом сосредоточения души» умершего.

У носителей пазырыкской археологической культуры был зафиксирован обычай укладывать в могилы почивших не только зеркала (рис. 8, 1-5), а и «модели зеркал», произведенные намеренно для похоронного ритуала, т.е. не отшлифованные бронзовые вещи,

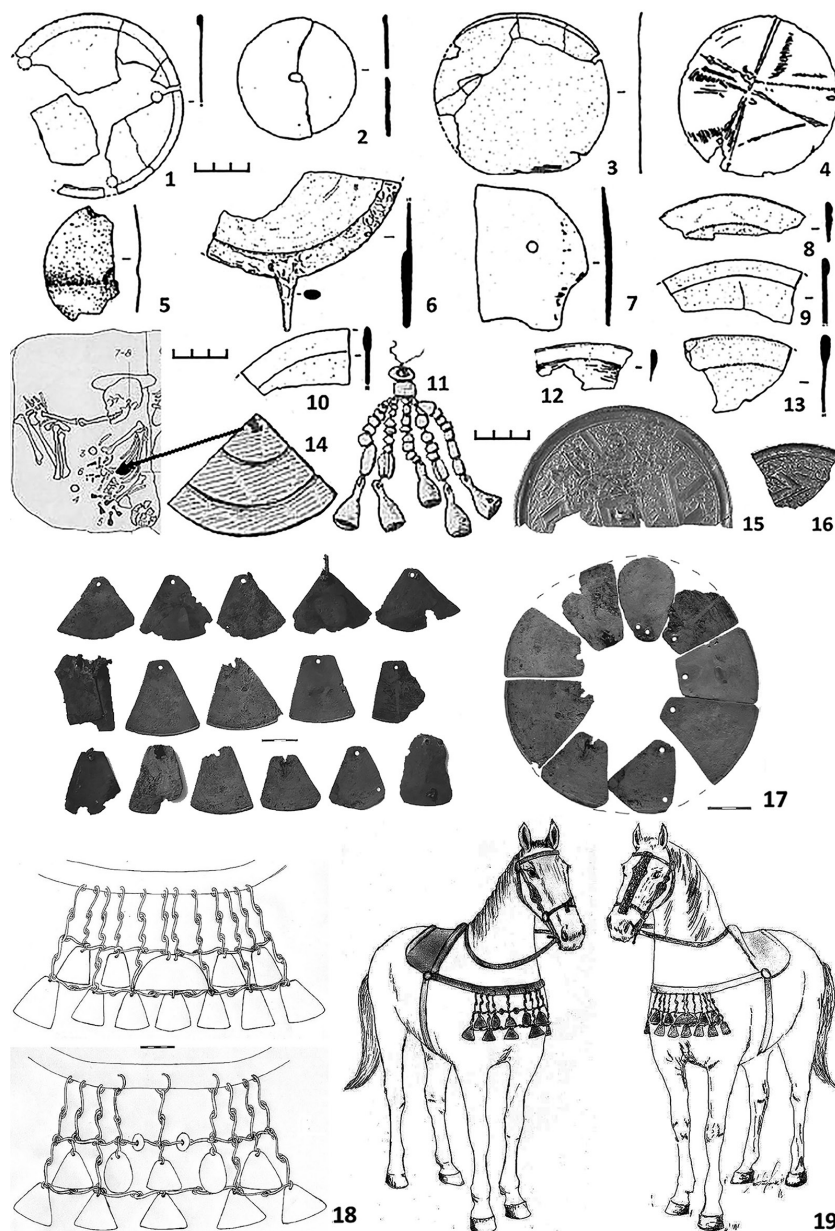

Рис. 7. Повреждённые и фрагментированные зеркала: 1 - Красногоровка III, кург. 11, погр. 9; 2 - Подгорненский IV, кург. 30, погр. 5; 3 - Пирожок, кург. 6, погр. 11; 4 - Мехзавод, кург. 15, погр. 4; 5 - Сагванский I, кург. 9, погр. 5; 6 - Донской (Новочеркасская ГРЭС), кург. 2, погр. 12; 7 - Сагванский I, кург. 7, погр. 11; 8 - Балабинский II, кург. 1, погр. 26; 9 - Подгорненский VI, кург. 1, погр. 6; 10 - Подгорненский VI, кург. 1, погр. 9; 11, 14 - Юстыд-12, кург. 17, погр. 1; 12 - Ливенцовский VII, кург. 19, погр. 1; 13 - Отрадный II, кург. 15, погр. 2; 15 - Пазырык, кург. 6; 16 - Фирсово-XIV; 17 - подвески из фрагментов зеркал в нагрудных уборах коней из Центральной могилы «Бердянского» кургана; 18-19 - реконструкция конских уборов «Бердянского» кургана.

Fig. 7. Damaged and fragmented mirrors: 1 - Krasnogorovka III, barrow 11, burial 9; 2 - Podgornensky IV, barrow 30, burial 5; 3 - Pirozhok, barrow 6, burial 11; 4 - Mekhzavod, barrow 15, burial 4; 5 - Sagvanskii I, barrow 9, burial 5; 6 - Donskoy (Novocherkasskaya GRES), barrow 2, burial 12; 7 - Sagvan I, barrow 7, burial 11; 8 - Balabinskii II, barrow 1, burial 26; 9 - Podgornenskii VI, barrow 1, burial 6; 10 - Podgornenskii VI, barrow 1, burial 9; 11, 14 - Yustyd-12, barrow 17, burial 1; 12 - Liventsovskii VII, barrow 19, burial 1; 13 - Otradniy II, barrow 15, burial 2; 15 - Pazyryk, barrow 6; 16 - Firsovo-XIV; 17 - pendants from mirror fragments in horse breastplates from the Central grave of the «Berdyansk» barrow; 18-19 - reconstruction of horse breastplates of the «Berdyansk» barrow.

поскольку на них имеются следы от литейных форм, необработанные швы и неровности. Они были отлиты местными умельцами небольшими сериями намеренно для похоронного ритуала (Кубарев, 1987: 217, 225; Кубарев, 1991: 104-105; Кубарев, 1992: 88-90).

В погребениях пазырыкцев (рис.

Рис. 8. Металлические зеркала (1-5) и деревянные модели зеркал (6-9): 1 - Бике-III, курган № 1; 2 - Тыткескен-VI, курган № 80; 3 - Тыткескен-VI, курган № 94; 4, 5 - Юстыд-12, курган № 4; 6 - Юстыд-12, курган № 20; 7 - Уландрык-1, курган № 7; 8 - Уландрык-1, курган № 11; 9 - Барбургазы 1, курган 15

Fig. 8. Metal mirrors (1-5) and wooden models of mirrors (6-9): 1 - Bike-III, barrow No. 1; 2 - Tytkesken-VI, barrow No. 80; 3 - Tytkesken-VI, barrow No. 94; 4, 5 - Yustyd-12, barrow No. 4; 6 - Yustyd-12, barrow No. 20; 7 - Ulandryk-1, barrow No. 7; 8 - Ulandryk-1, barrow No. 11; 9 - Barburgazy-1, barrow No. 15

8, 6-9), помимо таких предметов, обнаружены деревянные модели зеркал (Кубарев, 2002: 72; Кирюшин, Степанова, 2004: 79). Вероятно, они символически замещали настоящие зеркала, которые продолжали использоваться живыми соплеменниками. Данный факт указывает на понимание того, что душа умершего, покидая физическое тело, уже не воспроизводится в зеркале, а переносится в загробный мир и обнаруживает себя в вещах, произведённых или обусловленных сознательно для похоронной церемонии и какой-либо угрозы для живых не представляет.

Хранение зеркал в специализированных чехлах из ткани, дерева или кожи является свидетельством заботы их владельцев о сохранности полированной поверхности. Это стремление защитить отражающую способность зеркала и создаваемый им образ от возможных повреждений демонстрирует бережное отношение к предмету. Данный факт находит своё подтверждение в появлении у древних греков, начиная с V в. до н. э., зеркал, снабжённых крышками (Билимович, 1976: 48).

Полученные результаты

Исходя из наблюдений, сделанных на основании исследования археологических зеркал, встреченных в погребениях населения Евразии скифо-сарматского времени, нужно отметить, что к зеркалам древние народы относились неодинаково. Скифы и греки в отношении к зеркалам были практичны, употребляли их длительное время, берегли и ремонтировали сломанные вещи. Савроматы, сарматы и другие народы Азиатского региона,

кроме того, разламывали зеркальные диски, и во многих случаях, видимо, сознательно, но с разнообразными намерениями, применяя части зеркал как обереги. Следует вспомнить сведения, изложенные А.В. Маракуевым, о том, что в Сибири, подобно другим регионам Азии, существовала практика преднамеренного разбивания зеркал. Это делалось как символ памяти о близких людях при разлуке родственников, возлюбленных или супругов. Также фрагменты зеркала использовались для верификации личности секретных посланцев, которые прикладывали свою часть зеркала к другой части, которую хранил получатель послания (Маракуев, 1947: 171), из чего следует, что сознательная поломка зеркала преследовала только практические цели и следствие магических представлений здесь усмотреть трудно.

В магических ритуалах скифо-сарматского времени зеркала могли применяться, но ещё при жизни человека, поскольку магия, по определению, представляет собой деяния, направленные на сверхъестественное воздействие по отношению к материальному объекту или явлению.

Сопоставление археологических и этнографических данных показало, что к интерпретации роли зеркал в погребальном обряде населения Евразии в скифо-сарматское время нужно подходить осторожно, как и к использованию этнографических материалов для этого, учитывая обстоятельства и время, к которым относятся сведения об их употреблении.

Закключение

Значение зеркала безгранично многообразно в зависимости от

контекста культуры, истории и общественно-человеческих отношений (Столович, 1988: 47). Поэтому к использованию этнографических материалов при интерпретации роли зеркала в погребальном обряде древнего населения следует подходить дифференцированно, учитывая время, к которому относятся сведения об использовании зеркал. И в этой связи, очень показательно проведенное сравнение отношения к зеркалу в славянской и китайской культурах. В результате действительно выявляется, что одни народы (славяне) видели в нём опасный предмет, другие (китайцы), наоборот, считали, что зеркало служит защитой от любой нечисти (Гольцова, 2018: 56-62). Однако у славян зеркала появились сравнительно недавно, а в обрядах и поверьях фиксируется применение уже стеклянных предметов (Толстая, 1994: 111, 128-129; Толстая, 1999: 321-324).

В славянских языках этимология слова «зеркало», восходит к слову «глядеть»: «в словенском — *zrkalo* “зрачок”, *zrkálo*, *zrcálo* “зеркало”, чешском — *zrcadlo*, *zrkadlo*, словацком — *zrkadlo*, полабском — *zarkódlü* “зеркало” (и сюда же *зёркать*, “шнырять глазами”), в укра-инском — *зёркало* и церковном — *зерца́ло* языках» (Фасмер, 1986: 95).

В Китае же эти предметы были известны ещё с VIII в. до н.э. (Варенов, 1985: 163-172) и в китайском языке иероглиф 镜 (*jìng*) — зеркало имеет ключ — «металл» (Гольцова, 2018: 57), удостоверяя, что ранние зеркала в Китае были изготовлены из металла, в большинстве своем из бронзы. Это указывает на более глубокие корни, соединяющие человека и зеркало в Китае, чем в культуре славян. Отсюда и

различия в отношении к зеркалам.

Проблема, связанная с душой, воспроизведённой в зеркале, или с «душой» самого зеркала, всех представителей ранних сообществ, как думается, волновала по-разному. Объединяло обитателей ойкумены только стремление владельцев зеркал защитить полированную зеркальную поверхность от вредных воздействий, которые могли изуродовать отражение обладателя при жизни, что и обнаруживается при выявлении зеркал в похоронных ритуалах скифо-сарматского времени (Кузнецова, 2020: 53-54).

Не являются исключением в данном случае и действия шаманов, которые наносили повреждения на зеркала после борьбы со своими противниками, поскольку для них зеркало не являлось предметом, в котором отражался образ его владельца. У шаманов зеркало имело, как уже говорилось, другие функции.

Зеркала могли использоваться в магических обрядах рассматриваемой эпохи, но ещё при жизни человека, поскольку под понятием магия «подразумеваются действия людей, которые имеют цель влиять сверхъестественным образом на тот или иной материальный предмет или явление» (Токарев, 1964: 404).

Несмотря на распространённое в древнем мире, включая культуру ранних номадов, представление об одушевлённости окружающих предметов, люди всё же верно воспринимали зеркало и как туалетную принадлежность. Глядя на собственный образ в зеркале, люди и в далеком прошлом достаточно ясно понимали, что видят там собственное лицо, которое видно всем, однако скрыто для них самих.

Вопрос о функции зеркала как культового предмета для номадов остается предметом дискуссий в научной среде. Предыдущие исследования показали, что гипотеза о принадлежности «владельцев зеркал» к жреческому сословию не находит подтверждения.

Археологические данные свидетельствуют о том, что зеркала обнаруживаются в захоронениях представителей различных социальных групп (Кузнецова, 1988: 52–61; Кузнецова, 2020: 46–63; Кузнецова, 2022: 171–188).

Следовательно, интерпретация роли зеркала в погребальных обрядах населения Евразии скифо-сарматского периода требует осторожного подхода, так же, как и использование этнографических данных. При этом необходимо учитывать контекст и хронологические рамки, к которым относятся сведения об их употреблении.

Литература

1. Амиров Е.Ш., 2015. Зеркало среднеазиатского облика из могильника Каратума (к постановке проблемы выделения жреческих погребений саков Семиречья) // Вестник КазНУ. Серия историческая. №1 (76). Алматы: «Қазақ университеті». С. 235-239.
2. Басилов В.Н., 1984. Избранные духов. Москва: Политиздат. 208 с.
3. Бердибай А., Бабижан Б., Абугазы М., 2020. Песни свадебного обряда казахов юго-запада Жетысу // Центральноазиатский журнал искусствоведения. Т. 5. Вып. 4. С. 56-71.
4. Билимович З.А., 1976. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // Труды

Государственного Эрмитажа. Т. XVII. С. 32–66.

5. Боковенко Н.А., Данченко Е.М., Лубо-Лесниченко Е.И., Матвеев А.В., 1999. Бронзовые китайские зеркала из собрания ОГИК Музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 7. Омск. С. 47-55.

6. Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., 2007. Использование зеркал в убранстве скифских коней // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Від неоліту до киммерійців. Луганськ: Вид-во СНУ ім. В. Даля. Т. 7. С. 280-289.

7. Вайнштейн С.И., 1964. Тувинское шаманство. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, авг. 1964 г. Москва: Наука. 12 с.

8. Варенов А.В., 1985. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск: Наука. С. 163–172.

9. Глебов В.П., 2019. Зеркала раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18. № 2. С. 86-104.

10. Гольцова А.Д., 2018. Семиотика зеркала в китайской и славянской культуре // Китай: история и современность: материалы XI международной научно-практической конференции Екатеринбург, 18–20 октября 2017 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 56-62.

11. Грач А.Д., 1960. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и рекогносцировочные исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Материалы по археологии и этнографии западной Тувы. Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (ТКАЭЭ). Т. I. Москва, Ленинград: Наука. С. 7-72.

12. Диосэги В., 1950-1951. Тунгусо-маньчжурское зеркало шамана (материалы к представлениям о душе тунгусо-маньчжурских народностей) // Acta orientalia hungarica. Budapest: Magyar Tudományok Akadémia. Т. I. С. 359-383.

13. Дьяконова В.П., 1975. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Ленинград: Наука. 164 с.

14. Иванов М.С., 1961. Племена Фарса: кашкайские, хамсе, кухгилуйе, мамасани // Труды института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LXIII. Москва: АН СССР. 172 с.

15. Кенин-Лопсан М.Б., 1987. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск: Наука. 168 с.

16. Кенин-Лопсан М.Б., 1993. Магия тувинских шаманов. Кызыл: МП «Новости Тувы». 159 с.

17. Кенин-Лопсан М.Б., 2007. Алгыши тувинских шаманов. Якутск: Бичик. 206 с.

18. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 3. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: АлтГУ. 292 с.

19. Королькова Е.Ф., 1997. Об одном типе бронзовых зеркал скифской эпохи // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LVII. С. 32-35.

20. Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука. 304 с.

21. Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука. 194 с.

22. Кубарев В.Д., 1992. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука. 224 с.

23. Кубарев В.Д., 2002. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (11). С. 63-76.

24. Кузнецова Т.М., 1988. Зеркала в погребальном обряде сарматов // Советская археология. № 4. С. 52-61.

25. Кузнецова Т.М., 2002. Зеркала Скифии VI–III вв. до н.э. Том 1. Москва: Индрик. 352 с.

26. Кузнецова Т.М., 2018. О времени и условиях появления бронзовых зеркал в Северопонтийском регионе // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 46. № 4. С. 59-66.
27. Кузнецова Т.М., 2020. К вопросу о так называемом савроматском зеркале из кургана «Огуз» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 46-63.
28. Кузнецова Т.М., 2022. Предметы с неопределенной функцией и магия зеркал // Stratum Plus. № 3. С. 171-188.
29. Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ. В4-9. Москва: Наука. 150 с.
30. Курочкин Г.Н., 1992. Скифо-сибирский шаманизм (к реконструкции религиозной системы ранних кочевников Саяно-Алтая) // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 2. Омск: ОИИФФ СО РАН. С. 39-41.
31. Кусаева З.К., 2016. Семиотика зеркала в фольклорно-этнографической традиции осетин // Oriental Studies (Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН). № 3. С. 63-73.
32. Левашова В.П., 1948. Ремесло в древнехакасском государстве // Записки Хак НИИЯ-ЛИ. Вып. 1. История, этнография, археология. Абакан: ХАКОБЛНАЦИЗДАТ С. 43-50.
33. Литвинский Б.А., 1964. Зеркало в верованиях древних ферганцев // Советская этнография. № 3. С. 97-104.
34. Литвинский Б.А., 1978. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). Могильники западной Ферганы. IV. Москва: Наука. 216 с.
35. Лобачева Н.П., 1960. Свадебный обряд хорезмских узбеков // Краткие сообщения Института этнографии. Т. 34. С. 39-49.
36. Лопатин А., 1922. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские: Опыт этнографического исследования. Записки Общества изучения Амурского края. Т. XVII. Владивосток. 370 с.
37. Лубо-Лесниченко Е.И., 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. Москва: Наука. 167 с.
38. Лубо-Лесниченко Е.И., 1987. Пазырык и Западный Меридиональный путь // Страны и народы Востока. Вып. XXV. Москва: Наука. С. 233-248.
39. Манжигеев И.А., 1971. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Москва: Наука. 128 с.
40. Маракуев А.В., 1947. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Том 98. Томск: ТГПИ. С. 167-174.
41. Маслов В.Е., Гей А.Н., Андреева М.В., 2020. Курган раннескифского времени в Адыгее (могильник Дыш IV) // Stratum Plus. № 3. С. 293-330.
42. Оборин Ю.В., 2020. Древние бронзовые зеркала. Корпус случайных находок. Красноярск: Самиздат. 113 с.
43. Полин С.В., Дараган М.Н., 2019. Зеркала в погребениях геродотовых скифов Северного Причерноморья второй половины V-IV вв. до н.э // Античный мир и археология. Вып. 19. Саратов: «Техно-Декор». С. 202-241.
44. Пушкин А.С., 1960. Поэмы. Сказки. Том 3. Москва: Государственное издательство художественной литературы. 543 с.
45. Рон М., 2001a. Мифология зеркала. Интеллект, воображение, интуиция: размышления

о горизонтах сознания (мифологический и художественный опыт) // Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 11. СПб.: ФКИЦ «Эйдос». С. 72–85.

46. Рон М.В., 2001б. Роль зеркала в ритуале // Ритуальное пространство культуры. Материалы международного форума (26 февраля - 7 марта 2001 г.). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества. С. 132-134.

47. Сарангэрэл (Джулия Энн Стюарт), 2003. Зов шамана. Древние традиции и духовные практики. Москва: Гранд, Фаир-Пресс. 345 с.

48. Серегин Н.Н., Константинов Н.А., 2021. Металлические зеркала из собрания Музея археологии и этнографии Горно-Алтайского Государственного Университета // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 27. Барнаул: Алтайский государственный университет. С. 406-412.

49. Синика В.С., Лысенко С.Д., Разумов С.Н., Тельнов Н.П., 2020. Скифская гробница с мечом типа Солоха на Нижнем Днестре // Revista de Arheologie. Antropologie și Studii Interdisciplinare. № 2. С. 165–202.

50. Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Издательство Саратовского университета. 300 с.

51. Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. Москва: Наука. 380 с.

52. Смоляк А.В., 1991. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). Москва: Наука. 280 с.

53. Спицын А.А., 1899. Шаманизм в отношении к русской археологии // Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия. Т. XI. Вып. 1 и 2. Кн. 4. СПб.: Типография И.Н. Скороходова. С. 167-176.

54. Столович Л.Н., 1988. Зеркало как семиотическая, гносеологическая и аксиологическая модель // Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам. Т. XXII. Тарту: Тартуский государственный университет. С. 45-51.

55. Стратанович Г.Г., 1961. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-азиатский сборник. Москва: АН СССР. С. 47-78.

56. Тайлор Э.Б., 1989. Первобытная культура. Москва: Политиздат. 572 с.

57. Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2011. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука. 144 с.

58. Токарев С.А., 1959. Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды института Этнографии. Т. 51. Москва: АН СССР. С. 7–75.

59. Токарев С.А., 1964. Ранние формы религии и их развитие. Москва: Наука. 400 с.

60. Толстая С.М., 1994. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. Москва: Наука. С. 111-129.

61. Толстая С.М., 1999. Зеркало // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Москва: Международные отношения. Т. 2. С. 321-324.

62. Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка. Т. II. Москва: Прогресс. 673 с.

63. Фиалко Е.Е., 2009. Бронзовые зеркала в ритуальной практике скифов // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ: Музей історичних коштовностей України. С. 92-101.

64. Фиалко Е.Е., 2011. Зеркала в обрядах скифов // Боспорские исследования. Вып. XXV.

Симферополь, Керчь. С. 79-94.

65. Фрезер Д.Д., 1980. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Москва: Политиздат. 831 с.

66. Фризен О.И., 2014. Раннесарматские зеркала в системе хронологии наборов вооружения // *Stratum plus*. № 3. С. 113-127.

67. Хазанов А.М., 1964. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // *Советская этнография*. № 3. С. 89-96.

68. Хедаят Садек, 1958. Нейрангистан // *Переднеазиатский этнографический сборник*. I. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том XXXIX. Москва: Наука. С. 259-336.

69. Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен Тагарской культуры. Москва: Наука. 300 с.

70. Шимкевич П., 1896. Материалы для изучения шаманства у гольдов. Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. I. Вып. 2. Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского Генерал-губернатора. 133 с.

71. Шульга П.И., 1999. Жреческие парные захоронения с зеркалами - погребушками (к постановке проблемы) // *Древности Алтая: Известия лаборатории археологии*. № 4. Горно-Алтайск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горно-Алтайский государственный университет». С. 82-91.

72. Элиаде М., 2000. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: «София». 472 с.

73. Albenda P., 1985. Mirrors in the Ancient Near East // *Source: Notes in the History of Art*. Vol. 4. Nos. 2/3. Pp. 2-9.

74. Breeze Wood N., 2005a. Antique and Ancient bronze Mirrors at 3Worlds // *Sacred Hoop. Ritual shamanic objects gallery*; URL: [http:// view-source:http://www.3worlds.co.uk/Pages/Podcast.html](http://view-source:http://www.3worlds.co.uk/Pages/Podcast.html) (дата обращения: 21.12.2016).

75. Breeze Wood N., 2005b. Mirrors of the Soul. Explore the use of Ancient bronze mirrors in the shamanic traditions of Mongolia, Tibet and Siberia // *Sacred Hoop*. Iss. 48. Pp. 34-35.

76. Brunton G., 1927. Qau and Badari I. London: British School of Archaeology in Egypt, Bernard Quaritch. 147 p.

77. Coleman J.E., 1985. «Frying Pans» of the Early Bronze Age Aegean // *American Journal of Archaeology*. Vol. 89. No. 2. Pp. 191-219.

78. Complete collection of China's bronzes, 1998. Vol. 16. Bronze mirrors [Zhongguo qingtong quanji bianji weiyuanhui 中国青铜器 全集编辑委员会. Zhongguo qingtongqi quanji 16 tongjing 中国青铜器全集16铜镜]. Beijing: Wenwu Chubanshe. 34 + 5 + 216 + 76 p.

79. Crooke W., 1896. The popular religion and folk-lore of Northern India. Vol. I. Westminster: Archibald Constable & CO. 2, Whitehall Gardens, S.W. 35 p.

80. Czaplicka M., 2010. Coat of power. Siberian shamans' sacred coats // *Sacred Hoop*. Iss. 68. Pp. 34-35.

81. Czaplicka M., 2017. Coat of power. Siberian shamans' sacred coats // *Sacred Hoop*. Celebrate the circle of life. Special guide to shamanism. Iss. Special. Pp. 38-42.

82. Goldberg B., 1985. The Mirror and Man. Charlottesville: University Press of Virginia. 260 p.

83. Hayes W.C., 1990a. The Scepter of Egypt: a background for the study of the Egyptian antiquities in the Metropolitan Museum of Art. Part 1. From the earliest times to the end of the Middle Kingdom. New York: Metropolitan Museum of Art: Distributed by H.N. Abrams. 399 p.

84. Hayes W.C., 1990b. The Scepter of Egypt: a background for the study of the Egyptian antiquities in the Metropolitan Museum of Art. Part 2. The Hyksos Period and the New Kingdom

(1675-1080 B.C.). New York: Metropolitan Museum of Art: Distributed by H.N. Abrams. 512 p.

85. Keene Congdon L.O., 1981. Caryatid Mirrors of Ancient Greece: Technical, Stylistic and Historical Considerations of an Archaic and Early Classical Bronze Series. Mainz: Philipp von Zabern. 288 p.

86. Keene Congdon L.O., 1985. Greek Mirrors // Source: Notes in the History of Art. Vol. 4. No. 2/3. Pp. 19–25.

87. Mellaart J., 1962. Excavations at Çatal Hüyük 1961: first preliminary report // Anatolian Studies. Vol. 12. Pp. 41–65.

88. Mellink M.M., 1956. The Royal Tombs at Alacahöyük and the Aegean World // The Aegean and the Near East. Studies Presented to Hetty Goldman on the Occasion of her Seventy-fifth birthday. Philadelphia: University Museum University of Pennsylvania Press. Pp. 39-58.

89. O'Sullivan R., Shao H., 2023. Exploring Complexity in Bronze Age Exchange Networks by Revisiting the Bronze Mirrors of Central Asia and China // Cambridge Archaeological Journal. Cambridge University Press on behalf of the McDonald Institute for Archaeological Research. Pp. 1-18.

90. Papathanassoglou D.A., Georgouli Ch.A., 2009. The 'frying pans' of the Early Bronze Age Aegean: an experimental approach to their possible use as liquid mirrors // Archaeometry. Vol. 51. Iss. 4. Pp. 658–671.

91. Pendergrast M., 2003. Mirror Mirror. A History of the Human Love Affair with Reflection. New York: Published by Basic Books, A Member of the Perseus Books Group. 448 p.

92. Yakar J., 2011. Presumed Social Identity of the Occupants of Late Third Millennium BC Alacahöyük and Horoztepe «Royal Tombs» // Journal of Archaeomythology. Vol. 7. Iss. special. Pp. 1-8.

References

1. Amirov E.Sh., 2015. Zerkalo sredneaziatskogo oblika iz mogilnika Karatuma (k postanovke problem vydeleniya zhresheskix pogrebenij sakov Semirechya) [The mirror of the Central-Asian style on the basis of Karatuma burial ground (challenge problem of the identification of Saka hieratical burials of the Semirechie)] // Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya. №1 (76) [KazNU Bulletin. History series]. Almaty: «Qazaq universiteti». Pp. 235-239. [in Russian].

2. Basilov V.N., 1984. Izbranniki duhov [Chosen Spirits]. Moscow: Politizdat. 208 p. [in Russian].

3. Berdibay A., Babizhan B., Abugazi M. 2020. Pesni svadebnogo obryada kazahov yugozapada Zhetysu [Songs of the wedding ceremony of the kazakhs of the south-west of Zhetysu] Centralnoaziatskij zhurnal iskusstvovedeniya [Central Asian Journal of Art Studies]. Vol. 5. Iss. 4. Pp. 56-71. [in Russian].

4. Bilimovich Z.A., 1976. Grecheskie bronzovye zerkala ermitazhnogo sobraniya [Greek bronze mirrors of the Hermitage collection] // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage Museum]. Vol. XVII. Pp. 32–66. [in Russian].

5. Bokovenko N.A., Danchenko E.M., Lubo-Lesnichenko E.I., Matveev A.V., 1999. Bronzovye kitajskie zerkala iz sobraniya OGIK muzeya [Bronze Chinese mirrors from the collection of the OGIK Museum] // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [News of the Omsk State Museum of Local Lore]. No. 7. Omsk. Pp. 47-55. [in Russian].

6. Boltrik Yu.V., Fialko E.E., 2007. Ispolzovanie zerkal v ubranstve skifskix konej [The use of mirrors in the decoration of Scythian horses] // Materiali ta doslidzhennya z arheologii Shidnoi Ukraïni. Vid neolitu do kimmerijcziv [Materials and research on the archeology of Eastern Ukraine.

From the Neolithic to the Cimmerians]. Lugansk: Vid-vo SNU im. V. Dalya. Vol. 7. Pp. 280-289. [in Russian].

7. Vajnshtejn S.I., 1964. Tuvinskoe shamanstvo. VII Mezhdunarodnyj kongress antropologicheskij i etnograficheskij nauk. Moskva, avg. 1964 g. [Tuvan shamanism. VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. Moscow, August 1964] Moscow: Nauka publ. 12 p. [in Russian].

8. Varenov A.V., 1985. Drevnejshie zerkala Kitaya, otrazhayushhie etnokulturnye kontakty [Ancient mirrors of China reflecting ethno-cultural contacts] // Problemy drevnih kultur Sibiri [Problems of ancient cultures of Siberia]. Novosibirsk. Pp. 163–172. [in Russian].

9. Glebov V.P., 2019. Zerkala rannesarmatskoj kultury Nizhnego Podonya [Mirrors of the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Region] // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik [The Lower Volga Archeological Bulletin]. Vol. 18. No 2. Pp. 86-104. [in Russian].

10. Golczova A.D., 2018. Semiotika zerkala v kitajskoj i slavyanskoj kulture [Semiotics of mirror in Chinese and Slavic cultures] // Kitaj: istoriya i sovremennost: materialy XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Ekaterinburg, 18–20 oktyabrya 2017 g. [China: history and contemporary: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference Ekaterinburg, 18-20 October 2017]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. Pp. 56-62. [in Russian].

11. Grach A.D., 1960. Arheologicheskie raskopki v Mongun-Tajge i rekognoscirovochnye issledovaniya v Centralnoj Tuve (polevoj sezon 1957 g.) [Archaeological excavations in Mongun-Taiga and reconnaissance research in Central Tuva (1957 field season)] // Materialy po arheologii i etnografii zapadnoj Tuvy [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographical Expedition]. Trudy Tuvinskoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii (TKAEE). Moscow; Leningrad. Vol. I. Pp. 7-72. [in Russian].

12. Diosegi V., 1950-1951. Tunguso-manchzhurskoe zerkalo shamana (materialy k predstavleniyam o dushe tunguso-manchzhurskih narodnostej) [Tunguso-Manchurian mirror of a shaman (materials to the representations of the soul of Tunguso-Manchurian peoples)] // Acta orientalia hungarica. Budapest: Magyar Tudományok Akadémia. Vol. I. Pp. 359-383. [in Russian].

13. Dyakonova V.P., 1975. Pogrebalnyj obryad tuvincev kak istoriko-etnograficheskij istochnik. [Funerary Rite of Tuvans as Historical and Ethnographical Source] Leningrad. 164 p. [in Russian].

14. Ivanov M.S., 1961. Plemena Farsa: kashkajskie, hamse, kuhgiluje, mamasani [Tribes of the Fars Province: Qashqai, Khamseh, Kohkiluyeh, Mamasani] // Trudy Instituta etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaya. Novaya seriya [Proceedings of the N. N. Miklouho-Maclay Institute for Ethnography. Novaia seriia]. Vol. LXIII. Moscow: AN SSSR. 172 p. [in Russian].

15. Kenin-Lopsan M.B., 1987. Obryadovaya praktika i folklor tuvinskogo shamanstva. [Ritual Practice and Folklore of Tuvan Shamanism] Novosibirsk. 168 p. [in Russian].

16. Kenin-Lopsan M.B., 1993. Magiya tuvinskih shamanov [Magik of Shamans]. Kyzyl: MP «Novosti Tuvy». 159 p. [in Russian].

17. Kenin-Lopsan M.B., 2007. Algyshi tuvinskih shamanov [Algyshi Tuvan shamans]. Yakutsk: Bichik. 206 p. [in Russian].

18. Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., 2004. Skifskaya epoha Gornogo Altaya. Ch. 3. Pogrebalnye komplekсы skifskogo vremeni Srednej Katuni [Scythian Epoch of the Gorny Altai. Part 3. Scythian Funerary Complexes from Middle Katun Region] Barnaul: AltGU. 292 p. [in Russian].

19. Korolkova E.F., 1997. Ob odnom tipe bronzovyh zerkal skifskoj epohi [About one type of bronze mirrors of the Scythian epoch] // Soobshheniya Gosudarstvennogo Ermitazha [Reports of the State Hermitage Museum]. Iss. LVII. Pp. 32-35. [in Russian].

20. Kubarev V.D., 1987. Kurgany Ulandryka [Ulandryk Barrows]. Novosibirsk. 304 p.

[in Russian].

21. Kubarev V.D., 1991. Kurgany Yustyda [Yustyd Barrows]. Novosibirsk. 194 p. [in Russian].

22. Kubarev V.D., 1992. Kurgany Sajlyugema [Saylyugem Barrows]. Novosibirsk. 224 p. [in Russian].

23. Kubarev V.D., 2002. Drevnie zerkala Altaya [Altaian Mirrors] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. No. 3 (11). Pp. 63-76. [in Russian].

24. Kuznetsova T.M., 1988. Zerkala v pogrebalnom obryade sarmatov [Mirrors in the Sarmatian Burial Rite] // Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. No. 4. Pp. 52-61. [in Russian].

25. Kuznetsova T.M., 2002. Zerkala Skifii VI–III vv. do n.e. [Mirrors of Scythia, the 6th-3rd Centuries B. C.] Vol. 1. Moscow: Indrik. 352 p. [in Russian].

26. Kuznetsova T.M., 2018. O vremeni i usloviyah poyavleniya bronzovykh zerkal v Severopontijskom regione [On the Time and Context of the Earliest Bronze Mirrors in the Northern Pontic Region] // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia]. Vol. 46. No. 4. Pp. 59-66. [in Russian].

27. Kuznetsova T.M., 2020. K voprosu o tak nazyvaemom savromatskom zerkale iz kurgana «Oguz» [To the Question of the So Called Sauromatic Mirror from the Oguz Kurgan] // Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]. Vol. 19. No. 1. Pp. 46-63. [in Russian].

28. Kuznetsova T.M., 2022. Predmety s neopredelennoj funkciej i magiya zerkal [Items with an Undefined Function and Magic of Mirrors] // Stratum Plus. No. 3. Pp. 171–188. [in Russian].

29. Kuzmina E.E., 1966. Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka v Srednej Azii. SAI. V4-9 [Metal Objects from Eneolithic and Bronze Age in Central Asia. SAI. V4-9]. Moscow. 150 p. [in Russian].

30. Kurochkin G.N., 1992. Skifo-sibirskij shamanizm (k rekonstrukcii religioznoj sistemy rannih kochevnikov Sayano-Altaya) Scytho-Siberian shamanism (to the reconstruction of the religious system of the early nomads of Sayano-Altai) // Vtorye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova [Second Historical Readings in Memory of M. P. Gryaznov]. Omsk: OIIF SO RAN. Part 2. Pp. 39-41 [in Russian].

31. Kusaeva Z.K., 2016. Semiotika zerkala v folklorno-etnograficheskoj tradicii osetin [Semiotics of Mirror in Folklore and Ethnographic Traditions of Ossetians] // Oriental Studies (Vestnik Kalmyczkogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN) [Oriental Studies. Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences]. No. 3. Pp. 63-73 [in Russian].

32. Levashova V.P., 1948. Remeslo v drevnehakasskom gosudarstve [Handicraft in the ancient Khakass state] // Zapiski Xak NIIYaLI. Vy`p. 1. Istoriya, etnografiya, arheologiya [Bulletin of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History]. Abakan: KhAKOBLNATsIZ-DAT. Iss. 1. Pp. 43-50 [in Russian].

33. Litvinskij B.A., 1964. Zerkalo v verovaniyah drevnih fergancev [Mirror in the beliefs of ancient Fergana people] // Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. No. 3. Pp. 97-104 [in Russian].

34. Litvinskij B.A., 1978. Orudiya truda i utvar iz mogilnikov Zapadnoj Fergany. (Arheologicheskie i etnograficheskie materialy po istorii kultury i religii Srednej Azii). Mogilniki zapadnoj Fergany [Tools and Ware from Burial Grounds of Western Fergana]. IV. Moscow. 216 p. [in Russian].

35. Lobacheva N.P., 1960. Svadebnij obryad horezmskih uzbekov [Wedding rites of Khorezm Uzbeks] // Kratkie soobshheniya Instituta etnografii [Concise Bulletins of the Institute for Ethnography]. Vol. 34. Pp. 39-49 [in Russian].

36. Lopatin A., 1922. Goldy Amurskie, Ussurijskie i Sungarijskie: Opyt etnograficheskogo

issledovaniya. Zapiski Obshhestva izucheniya Amurskogo kraja [Golds of Amur, Ussuri and Sungari: Experience of ethnographic research. Notes of the Society for the Study of the Amur Region]. Vol. XVII. Vladivostok. 370 p. [in Russian].

37. Lubo-Lesnichenko E.I., 1975. Privoznye zerkala Minusinskoj kotloviny. K voprosu o vnesnih svyazyah drevnego naseleniya Yuzhnoj Sibiri [Imported Mirrors in the Minusinsk Depression: on the Problem of External Relations of Ancient Residents of Southern Siberia]. Moscow. 167 p. [in Russian].

38. Lubo-Lesnichenko E.I., 1987. Pazyryk i Zapadnyj Meridionalnyj put [Pazyryk and the Western Meridional Way] // Strany i narody Vostoka. Iss. XXV [Countries and Peoples of the East]. Moscow. Pp. 233-248 [in Russian].

39. Manzhigeev I.A., 1971. Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms]. Moscow. 128 p. [in Russian].

40. Marakuev A.V., 1947. Kitajskie bronzy iz Basandajki [Chinese bronzes from Basandaika] // Basandajka. Sbornik materialov i issledovanij po arheologii Tomskoj oblasti. Trudy TGU im. V.V. Kujbysheva [Basandaika: Collected Materials and Studies on the Archaeology of Tomsk Oblast]. Vol. 98. Tomsk: TGPI. Pp. 167-174. [in Russian].

41. Maslov V.E., Gej A.N., Andreeva M.V., 2020. Kurgan ranneskifskogo vremeni v Adygee (mogilnik Dysh IV) [Early Scythian Mound in Adygea (Dysh IV burial ground)] // Stratum Plus. No. 3. Pp. 293–330. [in Russian].

42. Oborin Yu.V., 2020. Drevnie bronzovye zerkala. Korpus sluchajnyh nahodok [Ancient bronze mirrors. A case of accidental finds]. Krasnoyarsk: Samizdat. 113 p. [in Russian].

43. Polin S.V., Daragan M.N., 2019. Zerkala v pogrebeniyah gerodotovyyh skifov Severnogo Prichernomor'ya vtoroj poloviny V–IV vv. do n.e [Mirrors in the Burials of the Scythians of Herodotus of the Northern Black Sea Coast of the Second Half of the 5th–4th Centuries BC.]. // Antichnyj mir i arheologiya [Ancient World and Archaeology]. Iss.19. Saratov: «Tehno-Dekor». Pp. 202– 241. [in Russian].

44. Pushkin A.S., 1960. Poemy. Skazki [Poems; Fairy Tales]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 543 p. [in Russian].

45. Ron M., 2001a. Mifologiya zerkala. Intellekt, voobrazhenie, intuiciya: razmyshleniya o gorizontah soznaniya (mifologicheskij i khudozhestvennyj opyt) [The Mythology of a Mirror]. // Mezhdunarodnye chteniya po teorii, istorii i filosofii kultury [Intellect, Imagination, Intuition: Reflections on the Horizons of Consciousness: Mythological and Artistic Experience]. Iss. 11. Saint Petersburg: FKITs «Eidos». Pp. 72–85 [in Russian].

46. Ron M.V., 2001b. Rol zerkala v rituale [The role of the mirror in ritual]. // Ritualnoe prostranstvo kultury. Materialy mezhdunarodnogo foruma (26 fevralya - 7 marta 2001 g.) [Ritual Space of Culture]. Saint Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society Publ. Pp. 132-134 [in Russian].

47. Sarangerel (Dzhuliya Enn Styuart), 2003. Zov shamana. Drevnie tradicii i duhovnye praktiki [The Call of the Shaman: Ancient Traditions and Spiritual Practices]. Moscow: Fair-Press. 345 p. [in Russian].

48. Seregin N.N., Konstantinov N.A., 2021. Metallicheskie zerkala iz sobraniya Muzeya arheologii i etnografii Gorno-Altajskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Metal Mirrors from the collection of the Museum of Archaeology and Ethnography of Gorno-Altai State University]. // Sohraneniye i izucheniye kulturnogo naslediya Altajskogo kraja [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. No. 27. Barnaul: Altai State University Publ. Pp. 406-412 [in Russian].

49. Sinika V.S., Lysenko S.D., Razumov S.N., Tel'nov N.P., 2020. Skifskaya grobnitsa s mechom tipa Soloxa na Nizhnem Dnestre [Scythian tomb with the sword of the Solokha type in the Lower

Dniester region]. // Revista de Arheologie, Antropologie și Studii Interdisciplinare. No. 2. Pp. 165–202 [in Russian].

50. Skripkin A.S., 1990. Aziatskaya Sarmatiya. Problemy hronologii i ee istoricheskij aspekt [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and Its Historical Aspect]. Saratov: Saratov University Press 300 p. [in Russian].

51. Smirnov K.F., 1964. Savromaty. Rannyya istoriya i kultura savromatov [Sauromatians. Early History and Culture of Sarmatians]. Moscow. 380 p. [in Russian].

52. Smolyak A.V., 1991. Shaman: lichnost, funkci, mirovozzrenie: (Narody Nizhnego Amura) [Shaman: personality, functions, worldview: (Peoples of the Lower Amur)]. Moscow. 280 p. [in Russian].

53. Spicyn A.A., 1899. Shamanizm v otnoshenii k russkoj arheologii [Shamanism in relation to Russian archaeology]. // Zapiski Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshhestva. Novaya seriya [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society. Novaia serii]. Vol. XI. Iss. 1, 2. Book 4. Saint Petersburg: Tipografiia I.N. Skorokhodova. Pp. 167-176 [in Russian].

54. Stolovich L.N., 1988. Zerkalo kak semioticheskaya, gnoseologicheskaya i aksiologicheskaya model [Mirror as a semiotic, epistemological and axiological model]. // Zerkalo. Semiotika zerkalnosti. Trudy po znakovym sistemam [Mirror. Semiotics of mirroring. Works on sign systems]. Vol. XXII. Tartu: Tartu State University. Pp. 45-51 [in Russian].

55. Stratanovich G.G., 1961. Kitajskie bronzovye zerkala: ih tipy, ornamentaciya i ispolzovanie [Chinese bronze mirrors: their types, ornamentation and use]. // Vostochno-aziatskij sbornik [East Asian Collected Papers]. Moscow: AN SSSR. Pp. 47-78 [in Russian].

56. Tailor E.B., 1989. Pervobytnaya kultura [Primitive Culture]. Moscow: Politizdat. 572 p. [in Russian].

57. Tishkin A.A., Seregin N.N., 2011. Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevnej i srednevekovoj istorii Altaya (po materialam Muzeya arheologii i etnografii Altaya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta) [Metal mirrors as a source on early and medieval history of Altai (based on materials of the Altai Archaeology and Ethnography Museum at Altai State University)]. Barnaul: Azbuka. 144 p. [in Russian].

58. Tokarev S.A., 1959. Sushhnost i proishozhdenie magii [The essence and origin of magic]. // Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnyh religioznyh verovanij. Trudy Instituta Etnografii [Studies and Materials on Primitive Religious Beliefs. Proceedings of the Institute of Ethnography]. Vol. 51. Moscow: AN SSSR, 1959. Pp. 7–75 [in Russian].

59. Tokarev S.A., 1964. Rannie formy religii i ih razvitie [Early forms of religion and their development]. Moscow. 400 p. [in Russian].

60. Tolstaya S.M., 1994. Zerkalo v tradicionnyh slavyanskikh verovaniyah i obryadah [Mirror in traditional Slavic beliefs and rituals]. // Slavyanskij i balkanskij folklor. Verovaniya. Tekst. Ritual [Slavic and Balkan folklore. Beliefs. Text. Ritual]. Moscow. Pp. 111-129. [in Russian].

61. Tolstaya S.M., 1999. Zerkalo [Mirror]. // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar [Slavonic Antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Moscow: International relations. Vol. 2. Pp. 321-324. [in Russian].

62. Fasmer M., 1986. Etimologicheskij slovar russkogo yazyka [Russian Etymological Dictionary]. Moscow: Progress. 673 p. [in Russian].

63. Fialko E.E., 2009. Bronzovye zerkala v ritualnoj praktike skifov [Bronze mirrors in Scythian ritual practice] // Muzejni chitannya. Materiali naukovoi konferenczii «Yuvelirne mistecztvo — poglyad kriz` viki» [Museum readings. Materials of the scientific conference «Jewelry art — a look through the ages»]. Kiiv: Museum of historical jewels of Ukraine. Pp. 92-101 [in Russian].

64. Fialko E.E., 2011. Zerkala v obryadah skifov [Mirrors in the Rites of the Scythians]. // Bosporskije issledovaniya [Bosporos Studies]. Iss. XXV. Simferopol, Kerch. Pp. 79-94 [in Russian].
65. Frezer D.D., 1980. Zolotaya vetv. Issledovanie magii i religii [The Golden Bough. A Study in Magic and Religion]. Moscow: Politizdat. 831 p. [in Russian].
66. Frizen O.I., 2014. Rannesarmatskie zerkala v sisteme hronologii naborov vooruzheniya [Early Sarmatian Mirrors and Chronological Sequence of Weapon Sets]. // Stratum plus. No. 3. Pp. 113-127. [in Russian].
67. Hazanov A.M., 1964. Religiozno-magicheskoe ponimanie zerkal u sarmatov [Religious-Magical Understanding of Mirrors in the Sarmatians]. // Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. No. 3. Pp. 89-96 [in Russian].
68. Hedayat Sadek, 1958. Neyrangistan [Neyrangistan]. // Peredneaziatskij etnograficheskij sbornik. I. Trudy Instituta etnografii im. N.N. Mikluxe-Maklaya. Novaya seriya [East Asian Ethnographic Collection. I. Proceedings of N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. New Series]. Vol. XXXIX. Moscow. Pp. 259-336 [in Russian].
69. Chlenova N.L., 1967. Proishozhdenie i rannyya istoriya plemen Tagarskoj kultury [Origins and early history of Tagar culture tribes]. Moscow. 300 p. [in Russian].
70. Shimkevich P., 1896. Materialy dlya izucheniya shamanstva u goldov. Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva [Materials for the study of shamanism among the Golds. Notes of the Priamursky Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. I. Iss. 2. Khabarovsk: Tipografiya kantseliarii Priamurskogo General-gubernatora. 133 p. [in Russian].
71. Shulga P.I., 1999. Zhrechieskie parnye zahoroneniya s zerkalami - pogremushkami (k postanovke problemy) [Priestly Paired Burials with Rattles Mirrors (o the statement of the problem)]. // Drevnosti Altaya: Izvestiya laboratorii arxeologii [Antiquities of Altai. Izvestia laboratory of archeology]. No. 4. Gorno-Altaysk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Gorno-Altaysk State University». Pp. 82-91 [in Russian].
72. Eliade M., 2000. Shamanizm: arhaicheskie tehniki ekstaza [Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy]. Kiev: «Sofiya». 472 p. [in Russian].
73. Albenda P., 1985. Mirrors in the Ancient Near East // Source: Notes in the History of Art. Vol. 4. Nos. 2/3. Pp. 2-9.
74. Breeze Wood N., 2005a. Antique and Ancient bronze Mirrors at 3Worlds // Sacred Hoop. Ritual shamanic objects gallery. [E-source] URL: [http:// view-source:http://www.3worlds.co.uk/Pages/Podcast.html](http://view-source:http://www.3worlds.co.uk/Pages/Podcast.html) (Accessed: 21.12.2016).
75. Breeze Wood N., 2005b. Mirrors of the Soul. Explore the use of Ancient bronze mirrors in the shamanic traditions of Mongolia, Tibet and Siberia // Sacred Hoop. Iss. 48. Pp. 34-35.
76. Brunton G., 1927. Qau and Badari I. London: British School of Archaeology in Egypt, Bernard Quaritch. 147 p.
77. Coleman J.E., 1985. «Frying Pans» of the Early Bronze Age Aegean // American Journal of Archaeology. Vol. 89. No. 2. Pp. 191-219.
78. Complete collection of China's bronzes, 1998. Vol. 16. Bronze mirrors [Zhongguo qingtong quanji bianji weiyuanhui 中国青铜器 全集编辑委员会. Zhongguo qingtongqi quanji 16 tongjing 中国青铜器全集16铜镜]. Beijing: Wenwu Chubanshe. 34 + 5 + 216 + 76 p. [in Chinese].
79. Crooke W., 1896. The popular religion and folk-lore of Northern India. Vol. I. Westminster: Archibald Constable & CO. 2, Whitehall Gardens, S.W. 35 p.
80. Czaplicka M., 2010. Coat of power. Siberian shamans' sacred coats // Sacred Hoop. Iss. 68. Pp. 34-35.

81. Czaplicka M., 2017. Coat of power. Siberian shamans' sacred coats // Sacred Hoop. Celebrate the circle of life. Special guide to shamanism. Iss. Special. Pp. 38-42.
82. Goldberg B., 1985. The Mirror and Man. Charlottesville: University Press of Virginia. 260 p.
83. Hayes W.C., 1990a. The Scepter of Egypt: a background for the study of the Egyptian antiquities in the Metropolitan Museum of Art. Part 1. From the earliest times to the end of the Middle Kingdom. New York: Metropolitan Museum of Art: Distributed by H.N. Abrams. 399 p.
84. Hayes W.C., 1990b. The Scepter of Egypt: a background for the study of the Egyptian antiquities in the Metropolitan Museum of Art. Part 2. The Hyksos Period and the New Kingdom (1675-1080 B.C.). New York: Metropolitan Museum of Art: Distributed by H.N. Abrams. 512 p.
85. Keene Congdon L.O., 1981. Caryatid Mirrors of Ancient Greece: Technical, Stylistic and Historical Considerations of an Archaic and Early Classical Bronze Series. Mainz: Philipp von Zabern. 288 p.
86. Keene Congdon L.O., 1985. Greek Mirrors // Source: Notes in the History of Art. Vol. 4. No. 2/3. Pp. 19-25.
87. Mellaart J., 1962. Excavations at Çatal Hüyük 1961: first preliminary report // Anatolian Studies. Vol. 12. Pp. 41-65.
88. Mellink M.M., 1956. The Royal Tombs at Alacahöyük and the Aegean World // The Aegean and the Near East. Studies Presented to Hetty Goldman on the Occasion of her Seventy-fifth birthday. Philadelphia: University Museum University of Pennsylvania Press. Pp. 39-58.
89. O'Sullivan R., Shao H., 2023. Exploring Complexity in Bronze Age Exchange Networks by Revisiting the Bronze Mirrors of Central Asia and China // Cambridge Archaeological Journal. Cambridge University Press on behalf of the McDonald Institute for Archaeological Research. Pp. 1-18.
90. Papathanassoglou D.A., Georgouli Ch.A., 2009. The 'frying pans' of the Early Bronze Age Aegean: an experimental approach to their possible use as liquid mirrors // Archaeometry. Vol. 51. Iss. 4. Pp. 658- 671.
91. Pendergrast M., 2003. Mirror Mirror. A History of the Human Love Affair with Reflection. New York: Published by Basic Books, A Member of the Perseus Books Group. 448 p.
92. Yakar J., 2011. Presumed Social Identity of the Occupants of Late Third Millennium BC Alacahöyük and Horoztepe «Royal Tombs» // Journal of Archaeomythology. Vol. 7. Iss. special. Pp. 1-8.

Кузнецова Т.М.

Археология институты

Ресей Ғылым академиясы

Мәскеу, Ресей

e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

СКИФ-САРМАТ ДӘУІРІНДЕГІ ЖЕРЛЕУ РӘСІМІНДЕГІ АЙНАНЫҢ РӨЛІ

Аңдатпа. Мақаланың мақсаты – скиф-сармат дәуіріндегі жерлеу рәсімдерінде айна рөлінің мәнін зерттеу болып табылады. Зерттеудің негізін этнографиялық және археологиялық дереккөздер құрайды.

Көптеген ежелгі халықтардың жерлеу рәсімдерінде айналарға ерекше мән берілген. Айна скиф-сармат дәуіріндегі жерлеу тәжірибесінде айрықша маңызға ие. Қола айналар скиф, савромат, сармат, пазырық және басқа да археологиялық мәдениеттерге тән жерлеу кешендерінде жиі кездеседі. Айналар түрлі гендерлік топтарға жататын адамдардың қабірлерінен табылып отыр. Ежелгі адамдар айнаның бетіндегі бейнені оның иесінің жанының көрінісі ретінде қабылдаған деген болжам бар. Азия халықтарының көпшілігінде айнаның шамандардың культтік бұйымдарының бірі ретінде маңызды рөл атқарғанын ескере отырып, табылған айналар жерлеу рәсіміне арналған магиялық сипаттағы заттар қатарына жатқызылады.

Айналар скиф-сармат дәуірінде адамның тірі кезінде де магиялық әрекеттер үшін қолданылған болуы мүмкін, өйткені сиқыр (магия) деген ұғым – материалдық затқа немесе құбылысқа тылсым әсер етуге бағытталған адамның әрекеті ретінде қарастырылады. Зерттеу нәтижелері айнаның скиф-сармат дәуіріндегі жерлеу рәсіміндегі магиялық рөлін түсіндіру тұжырымдарының нақты дәлелмен расталмайтынын көрсетеді. Жиналған материалдар ежелгі халықтардың жерлеу рәсімінде айналардың магиялық рөлін түсіндіру үшін этнографиялық деректерді пайдаланудың мұқият, әрі уақыт контекстін ескерумен жүргізілуі тиіс екенін көрсетеді.

Кілт сөздер: айна, сиқыр, рәсім, жерлеу, скиф-сармат дәуірі.

*Дәйексөз үшін: Кузнецова Т. Скиф-сармат дәуіріндегі жерлеу рәсіміндегі айнаның рөлі // Мәдени мұра. 2025. № 2 (109). 37-67 бб. (орыс.)
DOI: <https://doi.org/10.47500/2025.v22.i2.03>*

Kuznetsova T. M.

Institute of Archaeology
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

ON THE ROLE OF MIRRORS IN THE FUNERAL RITES OF THE SCYTHIAN-SARMATIAN ERA

Abstract. The aim is to study problems of the role of mirrors in funeral rites. The basis are ethnographic and archaeological sources. Among many ancient peoples mirrors played a special role in these rituals. The importance of mirrors in funeral practice is particularly evident in the archaeology of the Scythian-Sarmatian period. Bronze mirrors are found as the accompanying inventory of the Scythian, Sauromatian, Sarmatian, Pazyryk, and other burials. Mirrors are found in the graves of representatives of various gender groups. In ancient times, people considered the image in the mirror as a reflection of the owner's soul. Mirrors were important cult utensil of shamans, and magical items

for performing funeral rites.

Mirrors could have been used in magical practices during the Scythian-Sarmatian era, but still during human life since the concept of magic involves actions aimed at supernaturally influencing a particular material object or phenomenon.

The interpretation of the magical role of mirrors in the funeral rites of Eurasian populations during the Scythian-Sarmatian period lacks confirmation. It is necessary to use ethnographic data with caution when interpreting the magical role of mirrors in the funeral rites of ancient peoples, taking into account their dating.

Keywords: mirror, magic, rite, burial, scythian-sarmatian time.

For citation: Kuznetsova T. On the role of mirrors in the funeral rites of the Scythian-Sarmatian era // Madeni mura. 2025. № 2 (109). Pp. 37-67 (in Rus.)

DOI: <https://doi.org/10.47500/2025.v22.i2.03>

Сведения об авторе:

Татьяна Михайловна Кузнецова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Российской Академии наук, Москва, Россия.

ORCID: 0000-0001-7926-2721

Автор туралы мәлімет:

Татьяна Михайловна Кузнецова, тарих ғылымдарының кандидаты, Ресей Ғылым академиясының Археология институтының аға ғылыми қызметкері, Мәскеу, Ресей.

ORCID: 0000-0001-7926-2721

Information about author:

Tatiana Kuznetsova, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0001-7926-2721